Павел Марушкин

ЗЕМЛЯ НЕГОДЯЕВ

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Павел Марушкин
Земля негодяев

https://litres.ru/74844542
SelfPub; 2026

Аннотация

Необязательно искать приключений, чтобы влипнуть в историю. Иногда достаточно оказаться не в то время и не в том месте. Например – на заброшенной железнодорожной ветке в тайге. Какой ещё поезд-призрак? Бросьте, это же просто нелепые слухи!

И вот ты уже не капитан российской полиции, а странник в неведомом мире. Солнце здесь убивает за пять минут, твои, с позволения, сказать, «коллеги» смахивают на гигантских ворон, а тебе, кажется, предстоит войти в состав террористической ячейки... Ну, или доказать верность пословицы: «умер – надолго, мент – навсегда» И поймать, наконец, Неуловимого Джо!

Содержание

Глава 1. Призрачный экспресс 5
Глава 2. Солнце Аристопала 66
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Павел Марушкин
Земля негодяев

Название: Земля негодяев
Автор(-ы): Павел Марушкин

Глава 1. Призрачный экспресс

Мели ее, эту смесь из иллюзии, небыли, снов и были,
Чтоб в клочья порвав экраны, чернее сажи и черта злей
Лихой паровоз Люмьеров ворвался в зал и пошел навылет,
Разбрызгивая по стенам мусьёв, мадамов и мамзелей
Олег Медведев «Амазарский ястреб»

За что поели столичные волки капитана Гаргулова – вопрос неоднозначный. Оперативником он был, что называется, от бога: мелкая шушера страшилась и ненавидела капитана, бандиты – побаивались и уважали, женщины… Вот с женщинами Сан Санычу не слишком везло: внешность его, прямо скажем, гораздо больше способствовала успешному раскрытию дел, чем возникновению романтических чувств. Узенькие бурятские глазки, мамино наследие, прятались под массивными надбровными дугами; а поросший густой курчавой шерстью череп наводил на мысль о неандертальцах. Череп, кстати, был очень прочный: в своё время о лобную кость расплющилась на излёте киллерская пуля. Даром такое, конечно, не проходит: с тех пор характер гаргуловский изменился, причём не в лучшую сторону. Время от времени на ясный ум капитана словно бы опускалась шторка, отсекая его от жилистого тела. Приходя в себя после приступов, Сан Саныч узнавал о собственной натуре вещи загадочные

и удивительные. Что вы хотите – контузия…

Подозреваемых, имевших несчастье ввергнуть капитана в гнев, зачастую приходилось извлекать из-под стола; кривая же раскрываемости совершала нервный рывок вверх. Начальство радоваться-то радовалось, но поглядывать стало косо: пару раз Гаргулову пришлось даже выслушать лекцию о гуманных методах ведения следствия и законодательных нормах. Сан Саныч, подобно древним конфуцианцам, благодарил и кланялся… Впрочем, так скрипеть зубами конфуцианцы вряд ли умели.

Катарсис наступил неожиданно, хотя и закономерно. Чрезмерная дотошность до добра не доводит, особенно в таких делах, где ты *всего лишь* капитан нашей славной полиции. Копнул, видать, служивый глубже, чем по рангу положено; или не там копнул, где рекомендуется, а может, и вовсе – лопата у него была не той конструкции… Дело тёмное, одним словом; достоверно известно одно – перешел Сан Саныч дорожку серьёзным людям.

Контузия, равно как и впечатляющий послужной список, в последовавших за этим событиях помогли мало. Уже дамокловым мечом нависла над бравым капитаном со вкусом подобранная статья. Альтернатива же – уволиться по-тихому, устроиться охранником в «Пятерочку», да и спиться от общей вселенской несправедливости, выглядела в его глазах лишь самую малость лучше. Служба полицейская порой хуже горькой редьки, да вот беда: ничего другого Сан Саныч

толком делать не умел. Однако ж старинный, ещё по флотским временам, товарищ внезапно предложил вакансию – хоть и весьма неблизкую: буде Гаргулов согласится, предстояло ему променять белокаменную на сибирские просторы. Сан Саныч поразмыслил дня три, прикинул возможный ход событий… Да и накатал заявление. Собрал нехитрые пожитки в старенький чемодан, чего не влезло – выкинул безо всякого снисхождения на помойку, выписался из общежития и двинул прямиком на вокзал. Затерянный в лесах райцентр представлялся усталому капитану этакой тихой пристанью, последним приютом суровых, циничных, слабых на голову, изрядно битых жизнью мужчин в полицейской форме… Но – есть города, и есть *города*.

***

Новое место службы, действительно, ютилось среди таёжных дебрей. Некогда в этих краях был медный рудник, концессия купца Полубыкова; но тот, первоначальный, просуществовал не слишком долго. Купчина в свой срок благополучно помре, наследства потомки сберечь-приумножить не сумели, да и жила со временем обеднела. Места эти издревле слыли не шибко хорошими, охотников возродить предприятие не нашлось. Выработки год за годом приходили в негодность – штреки осыпались, штольни заплывали черной подземной водой. Исчез бы рудник со временем, тайга и не такое ещё глотала – но вышло иначе: подписал однажды некую бу-

магу усталый человек в хорошо сшитом полувоенном френче. А может, и не подписывал; может, просто буркнул на совещании, с высоты державного своего одиночества, дёрнув прокуренный ус: «странэ нужна мэдь!».

Вырубались в тайге просеки, засыпались в болото тонны гранитной щебёнки, ложились поверх пропитанные креозотом шпалы. Но это была не та дорога – великая, воспетая поэтами и проклятая поколениями зека, над чьими костями гудят нынче стальные рельсы; а так – боковая ветка. Полубыковский рудник получил вторую жизнь, оброс вышками и бараками. В десятке километров появилось ещё одно поселение – там жили расконвоированные и немногочисленные «вольняшки». Сколько составов колчедана утекло в голубые дали – бог весть; но вышел срок и этому островку архипелага. Жила окончательно исхудала, рабсилу оттянули на богатые месторождения. Полубыклаг законсервировали до лучших (ой, лучших ли?) времён – а поселок остался, даже подрос слегка; и встал среди тайги город не город – так, что-то вроде райцентра. Народонаселение частью заготовляло лес, частью жило не пойми чем – огородничало помаленьку, рыбачило да браконьерило в меру скромных возможностей. Правоохранители местные смотрели на это сквозь пальцы – леса ж кругом, глухомань! Тайга, одним словом… Редкие приезжие, вроде Гаргулова, либо втягивались постепенно в своеобразный ритм здешней жизни, либо быстренько спивались с тоски. А название у городишки было коротенькое и

весёлое: Мгла.

***

– Твёрдо стоит на ногах капитан Гаргулов, зорко глядит из-под козырька форменной фуражки. Руки капитан за спину заложил, сцепил вместе крепкие свои полицейские пальцы – не иначе, думу великую думает. Хорош и статен Гаргулов, силён и проворен. Всё видит капитан, подмечает каждую мелочь бдительное его око. Не укрыться от него ни птице в небесной лазури, ни бурундуку в опавших листьях…

– В лоб дам, – буркнул Гаргулов.

Прозвучало это беззлобно и скорей в шутку: кряжистому, но невысокому капитану дотянуться до Костиковой головы было не так-то просто. Вот же чудо сибирское, двухметровое! Как ему форму-то нашли по размеру – или специально заказывали…

– Ат-ставить рукосуйство, товарищ капитан! – радостно пробасил экс-десантник Костя, обладатель совершенно не соответствующей богатырскому телосложению фамилии Кролик. – Ничего ты не понимаешь в высоком штиле. Я ж эпос сочиняю… Эпос!

– Эпос, говоришь? Гм… Донос в стихах, что ли?

– В точности наоборот! Отличную характеристику с места работы… – укоризненно покачал головой Костя. – Будешь ты культурный герой нашего доблестного отделения!

– Культурный, значит… – сощурил и без того узкие глазки

Гаргулов. – Это что ж, выходит – сочинишь ты свой гадский эпос, а я после того уже и дубинкой никому приложить не моги?!

– Культурный герой – это вроде ударника труда, звание такое… Почетное! – сокрушенно вздохнул лейтенант. – А граждан дуплить кто ж тебе запретит! Мы не звери какие, на святое покушаться…

– Образованный ты чересчур, Кролик, вот что я тебе скажу – хмыкнул Гаргулов. – Шибко умный, одним словом. Не место таким в нашей доблестной полиции…

Да и в этом богом забытом городишке тоже не место – подумалось вдруг Сан Санычу.

– Пр-ральна! – рявкнул Костя. – Та-ак точна! Только упускаешь ты, товарищ капитан, из виду одну дяталь: для таких, как мы, шибко умных, сия дыра и придумана. От начальства подальше, к природе поближе…

Капитан фыркнул, но до ответа не снизошел – наподдал ботинком ворох палой листвы, вдохнул полной грудью прозрачный осенний воздух. Возразить Костику, по правде говоря, было нечего.

– Саныч, знаешь последнюю сплетню? – спросил лейтенант немного погодя.

– Смотря, которую считать последней… – задумчиво отозвался Гаргулов.

– Про поезд-призрак.

– Опять, небось, на Гнилой ветке? – хмыкнул капитан.

Гнилой веткой в народе прозывался десятикилометровый отрезок рельсового пути от Мглы до заброшенного рудника. Поезда там не ходили, конечно – просто железнодорожники иной раз загоняли пустующий состав, если по каким-то причинам ему не находилось места в депо.

– Ага… Ты про аномальные зоны слыхал? Ну, места такие, в которых всяко-разно происходит. Приборы ломаются, блазится людям разная хрень…

– Типа пивнухи у станции? – прагматичного Гаргулова было не так-то легко сбить с панталыку.

– Да ладно тебе – пивнуха… Вобщем, думается мне – Гнилая ветка как раз такое место и есть.

– Вон оно что... А может, не только она? Может, вся Мгла, это самое? – вкрадчиво предположил Гаргулов. – Городишко-то, кот нассал; а у нас каждую ночь в обезьяннике – пара-тройка мутантов, которым что-нибудь, да мерещится. И цветмет, с-суки, тырят, где могут, так что приборам там всяким хана полная… Ну точно, сходится… Я-то гадаю: с чего бы оно? А оказывается – аномальная зона! Спасибо, Кость, просветил…

– Тебе лишь бы хохмить!

– Ну, а чего ты хотел? – вздохнул капитан. – Кому у тебя там этот призрачный поезд пригрезился?

– Видел его Лёня Донских, знаешь его?

– Не слыхал…

– Дельный мужик, кстати, побольше бы таких. Охотник,

таёжник… Предупреждая твой вопрос, Саныч – нет, к зелию пристрастия не имеет. Не тот человек. Вообще, Лёня не шибко разговорчивый… Короче. Видел он паровоз с вагонами, старинный. Видел ясно, перепутать, говорит, ничего не мог. А ветка эта – место и впрямь такое… Непростое. И нехорошее. Ты-то нездешний, а я вот про рудник с детства всяких страшилок наслышан. Народу в тех краях полегло изрядно…

– Нетипичный ты мент, Кролик! – покачал головой Гаргулов. – Ну, это ладно; можешь разведать, какие там паровозы бегают, даю тебе добро… Во внерабочее время, понятно. А покуда у нас что на очереди, э?

– Дурко… – вздохнул Костя.

– Дурко! – подтвердил капитан.

Многочисленное и безмерно скандальное семейство Дурко давно уже стояло у райцентровской полиции костью в горле. Половина мужского состава этого малопочтенного рода отбывала заслуженные отпуска в местах не столь отдалённых, один к тому же числился в бегах. Остальные периодически становились клиентами местного «обезьянника» – не столько из-за пристрастия к спиртному, сколь вследствие буйного и совершенно непредсказуемого нрава. Родоначальником сей славной династии был ирландец – настоящий ирландец, по паспорту! – невесть какими злыми ветрами занесённый в сибирскую глухомань, да и осевший здесь. Звали эту диковину Саймон Илдерберри; в супруги же сын зелёного Эрина взял крепкую, как отечественная табуретка, Авдо-

тью Дурко – дочь расконвоированного зека и местной самогонщицы, прельстившуюся чужеземной экзотикой. Саймон, впрочем, не оправдал её ожиданий. Наследственный ирландский алкоголизм на благодатной российской почве расцвёл пышным цветом – как водится, со всеми традиционными последствиями. Ссоры нелепой семейки превратились для бедного развлечениями городка в настоящее шоу; да такое, что ближайшие соседи уже делали ставки – кто из любящих супругов грохнет свою половину. Но тут Саймон пропал: ушел по осени в тайгу, прихватив ружьишко, да и с концами. Случись такое при иных обстоятельствах, долго пришлось бы объяснять вдове исчезновение мужа недоверчивой местной полиции... Однако, на счастье Авдотьи, свидетелей Саймонового отбытия было множество – да и шум по поводу исчезновения кормильца Дурко подняла такой, что местные мужики, вооружившись кто чем, отправились прочёсывать окрестные буреломы… Всё без толку. По прошествии месяца никто уже не сомневался, что несчастного Илдерберри приняла в своё лоно тайга-матушка: то ли болото его, любезного, засосало, то ли провалился в одну из старых шахт полубыковского рудника, то ли мишка заохотил да разобрал по косточкам, медведятам малым на радость.

Авдотья своего бывшего добрым словом не поминала – да и можно ли её в том винить, оставшуюся единственной кормилицей пятерых голодных ртов. Надо сказать, имена отпрыскам придумывал отец, причем не как-нибудь, а на

свой иноземный манер. Фамилию Авдотья детям поменяла на собственную, а вот имена остались – не переучивать же, в самом деле, всех пятерых; тут и самой запутаться недолго. Таким образом, перед изумлённой паспортисткой Мглы периодически возникали наглые прыщавые физиономии Гарри Дурко, Сэмюэля Дурко, Нормана Дурко, Маргарет Дурко – и , разумеется, Джо Дурко, которого, с лёгкой руки военкома, иначе как Неуловимый Джо в райцентре уже не называли. Собственно, по поводу последнего и направлялись сейчас капитан Гаргулов с Костей к «родовому гнезду» главных местных смутьянов.

Как известно всему прогрессивному человечеству, русские много пьют вследствие суровости своего климата. Соответственно, любой климат, в котором оказывается пьющий русский, по умолчанию считается суровым, причем суровость его прямо пропорциональна количеству употреблённого внутрь алкоголя. Следуя этому правилу, над крышей покосившегося, вконец обветшалого дома на окраине Мглы должен был периодически разражаться средних размеров ураган. Халупа Дурко не оставляла иллюзий относительно своих обитателей – воистину, это была самая запущенная постройка в радиусе нескольких километров. Внешняя неказистость, впрочем, компенсировалась бурной жизнью внутри. Из распахнутой форточки расползался по улице мощный дух подгоревших котлет вперемешку с акустическими колебаниями.

– Музыка на-а-ас связала, тайною на-а-ашей стала… – орала включенная на полную громкость магнитола. Голос певички был преисполнен такой концентрированной чувственности, что, казалось, силиконовые прелести его обладательницы вот-вот полезут из несчастного аппарата наружу, продавив сетку динамиков. Когда полицейские подошли к крыльцу, в доме что-то яростно зазвенело, рассыпаясь на мелкие осколки.

– О, летающие тарелки! – радостно улыбнулся Костя. – Гуляют, стало быть… Веселье в полном разгаре!

– Там, поди, драка, а не веселье… – с сомнением покачал головой капитан, прислушиваясь к доносящимся из-за дверей проклятьям.

– Это ж Дурко!

– А, ну да, верно…

Лейтенант постучал. Дверь распахнулась, и на порог выступила необъятных размеров матрона. Маленькие глазки её смотрели на представителей законной власти безо всякой приязни.

– Чего надо?!

– Здравствуй, Дуняша! – ласково улыбнулся Костя. – Ну, как там младшенький твой? Добегался, болезный… Подавай его сюды.

– Не знаю я, где он! – Авдотья с поразительной для её грузной фигуры быстротой отступила назад и попыталась захлопнуть дверь, но Костя успел выставить ногу.

– Прошлый раз его тоже дома не было, и позапрошлый… Сколько можно от армии косить, э? Всё, достукался твой ковбой, с ордером за ним пришли! – громко вещал Костя. Меж тем Гаргулов потихоньку отступал с крыльца, совершая заранее оговоренный манёвр.

– С каким ещё ордером?! А ну, предъяви! – перешла в наступление Авдотья.

– И предъявлю!

– Вот и предъявляй!

– А вот сейчас… – тянул резину Кролик, роясь во внутреннем кармане.

Чуткий слух Гаргулова уловил звук открывающегося окна, и капитан понял, что их маленькая хитрость удалась. Он бросился за угол – и успел как раз вовремя, чтобы узреть нескладное лохматое создание, спрыгнувшее с подоконника.

– Шериф! – изумлённо выдохнул Неуловимый Джо и обратился в бегство.

– Родной, ты куда?! Притормози! Исполни, сука, свой почётный воинский долг! – задушевно пыхтел капитан, нагоняя юнца.

Джо лягухой перемахнул дренажную канаву – и на миг задержался, ловким пинком отшвырнув в сторону доску. Гаргулов прыгнул… И мало не по пояс погрузился в мерзкую торфяную жижу. Не зря, ох, не зря лежала там дощечка! Но кто же… Джо. Знал, стервец; капитан готов был съесть собственную кокарду – и не просто знал, а, пожалуй, ещё

и сам ту дощечку примостил, продумывая план отступления… Звериный рык огласил окрестности. Гаргулов выбрался из болота, словно разъяренный кабан, и возобновил погоню. Неуловимый Джо оставил своего преследователя далеко позади, но капитана уже ничего не могло смутить. «На измор возьму мерзавца!» У высокой железнодорожной насыпи Гаргулов перевёл дух. Джо стоял на путях, нагло уперев руки в бока – рисовался.

– Тебе не взять меня, шериф… Ты слишком стар для этого! – сплюнул юнец.

– За «шерифа» ты у меня по шее схлопочешь, гнида, – нежно посулил капитан, начиная восхождение. – А за старость по почкам.

На длинной физиономии Джо промелькнула тень сомнения. Похоже, до него только сейчас начало доходить – противник попался серьёзный. Что, если и впрямь придётся ему завтра, расцвеченному синяками, сменить гордое прозвище Неуловимый на обидное «призывник Дурко»... Парень резко сорвался с места. Теперь они бежали по шпалам. По обоим сторонам насыпи простирались болота, поросшие кое-где чахлым сосняком. Загнал, загнал-таки проклятый шериф в ловушку! Бедному ковбою осталось лишь надеяться на быстроту и выносливость своего мустанга.

Минут через двадцать мустанг Джо захромал… Парень то и дело с беспокойством оглядывался: воплощенная Немезида настигала его медленно, но неотвратимо. Потихоньку тем-

нело, над горизонтом вставала луна. Под ногами скрежетал гравий. Преследователь и преследуемый изрядно удалились от обжитых мест. Кругом была тайга. Джо явно находился на последнем издыхании – и вот настал миг, когда пальцы Гаргулова сомкнулись на воротнике старенькой джинсовой куртки.

– Кликуху… Тебе… Менять придётся… – капитан всё не мог справиться с одышкой, но Джо было ещё хуже: юнец обвис в полицейской лапе, словно мешок картошки, из лёгких его рвались хрипы и свисты.

– Куришь много, – отдышавшись, неожиданно миролюбиво сказал Гаргулов. – Что за мода пошла: шкандыбает эдакий фрукт, мамкино молоко на губах не обсохло, а туда же – с папиросиной… Тяжко тебе в армии придётся, парень, с такой дыхалкой – там кроссы каждый день, и вообще…

При слове «армия» Джо застонал и принял более-менее вертикальное положение. Капитан на всякий случай покрепче сжал засаленный ворот Неуловимого.

– Ну что, спринтер, пойдём… Переночуешь в нашем клубе одиноких сердец, а утречком я тебя в военкомат отведу, за ручку – чтобы глупостей по дороге не натворил.

– Шериф… Сволочь… – страдальческим голосом выдавил Джо. – Пристрели меня прямо здесь, а?

– Дурко-о… – с ухмылкой протянул Гаргулов. – Мне за твою буйну головушку военком пивом проставиться обещал. Так что давай, ковбой, шевели булками…

Но Джо не двинулся с места. Глаза юнца уставились на что-то за спиной капитана; зрачки становились всё шире и шире. Гаргулов быстро оглянулся.

Он был выше электрички; чудовищная труба оскверняла небеса густыми клубами едкого угольного дыма. Массивный клюв каукетчера скользил над рельсами, по обе его стороны вспухали пышные усы пара. Чёрный, как сама ночь; только прожектор сверкал холодным голубым огнём – там, за толстой линзой, полыхала бесшумная молния электрической дуги.

– Оба-на! Эт чё за хрень?! – ошеломлённо выдохнул Джо, заворожено глядя на приближающийся локомотив.

Гаргулов не ответил: он был поражен не меньше своего подопечного. Надо сказать, в легенду о призрачном поезде капитан не поверил ни на грош; и теперь, имея перед глазами зримое её воплощение, попросту растерялся. Сан Санычу мельком подумалось, что происходящее смахивает на дурной сон: паровоз надвигался совершенно беззвучно. Состав замедлял ход: шатуны ходили всё ленивей, облака пара заволакивали пространство, смешиваясь с застилающим болота туманом. Возникли звуки – внезапно, как будто включили невидимый динамик; и тотчас вибрация многотонного механического монстра, передавшись через землю, отозвалась в коленях. В нос ударила волна запахов – железа, смазки, пара, горькой угольной копоти, и ко всему этому примешивалась резкая грозовая нота озона… Локомотив навис

над людьми, подавляя своей мощью и размерами. Брови Гаргулова поползли вверх: спереди, там, где у любого *нормального*, по мнению капитана, паровоза полагалось находиться звезде (ну или, сообразно веяниям времени, двуглавому орлу), скалилась зловещая чугунная ряха, вполне достойная конкурентка мрачных изваяний Нотр Дам де Пари.

Локомотив и тендер величаво проплыли мимо, за ними тянулась вереница вагонов. Они тоже были странными: не теплушки и не пассажирские, а что-то ещё. Узкие лесенки с дырчатыми металлическими ступенями доходили почти до самых рельс: очевидно, загадочными конструкторами этого чуда наличия перронов не предполагалось… Невероятный состав наконец остановился. С другой его стороны, примерно через вагон от Гаргулова и Джо, лязгнула открывающаяся дверь. Лесенка загудела под тяжестью торопливых шагов, и некто грузно спрыгнул на насыпь.

– Рученьку вашу позвольте, молодой мастер… Ручку… – этот гулкий одышливый голос вполне мог бы принадлежать деревянной бочке, научись та ходить и разговаривать. Спустя миг тишину разорвал звонкий шлепок пощечины.

– Я могу спуститься без посторонней помощи! – тонкий детский голосок звучал холодно и надменно. – Присматривай лучше за моей сестрой, пивник. Помни, ты отвечаешь за неё головой.

– Так ведь и за вас я тоже отвечаю, мастер, и за вас тоже…

– Ну, хватит болтать! – безапелляционно отозвался маль-

чик. – Где это мы оказались?

– Хорошее место, мастер: хорошее, тихое… Только, молю, отойдите немножко, на пару шажочков всего, от вагона-то… Экспресс, он ведь долго стоять не будет…

Поезд и впрямь тронулся с места. Гаргулов, заинтригованный так, что дальше некуда, не мог дождаться, когда же наконец странные гости покажутся на глаза. В свете последних событий капитан почти забыл о Неуловимом Джо, хотя рука его по прежнему сжимала воротник беглеца… И тут Дурко выкинул очередной фортель. Юнец изо всех сил рванулся, ветхая джинсовая «мейд ин Чайна» затрещала и лопнула. Капитан от неожиданности рухнул на четвереньки, пребольно ушибив ладонь об острый осколок гравия; а Неуловимый Джо догнал проплывающую мимо лесенку, ухватился за поручни – и с обезьяньей ловкостью вскарабкался наверх.

– Ах ты ж гнида… – прорычал Гаргулов.

– Покеда, шериф! Я пришлю тебе весточку из Акапулько! – издевательски выкрикнул юнец.

Сальные патлы его трепал ветер, рот кривился в бесшабашной ухмылке. Наверное, в этот миг он на полном серьёзе считал себя Неуловимым Джо – лихим ковбоем, обведшим вокруг пальца неуклюжего шерифа…

Поезд набрал скорость как-то неестественно быстро; вагоны с уханьем проносились мимо – но Сан Саныч бежал изо всех сил, и ему удалось зацепиться за поручень. Кисть едва не выдернуло из сустава, в опасной близости мелькнули ко-

лёса, но Гаргулов уже вскарабкался на нижнюю ступеньку. В ушах свистел холодный ветер, насыщенный запахами угля и железа. Неуловимый Джо, как известно, потому и неуловимый, что его никто не ловит, не нужен он никому совершенно – но оскорблённый в лучших чувствах капитан поклялся опровергнуть эту аксиому.

***

Трикобыл некоторое время озабоченно смотрел вслед вагонам, потом тяжело вздохнул. Призрачный Экспресс отсекает любую погоню раз и навсегда, если только… Если только преследователи не осведомлены, в свою очередь, о такой штуке, как Призрачный Экспресс. Впрочем, насколько он мог судить, на этой остановке сошел только он сам с маленькими господами. Правда, была ещё какая-то непонятная возня по ту сторону насыпи: крики, беготня… Ласса завороча-лась у него на руках, открыла глаза и недовольно наморщила носик.

– От тебя воняет… – сонно пробормотала девочка.

Трикобыл смущенно крякнул. Внешностью замковый пивник обладал своеобразной, шириной плеч и объемом брюха почти вдвое превосходя обычного человека. При такой комплекции трудновато оставаться свежим, как садовый розан… Особенно после всех приключений. Он вспомнил бегство из замка – паническое, суматошное; резкие возгласы проклятых тварей, маленькие детские ладошки в своих ру-

ках… Они успели, наверное, в самый последний миг.

– Ну что, так и будем стоять? – осведомился Марикс. Мальчик нахохлился, засунув руки глубоко в карманы курточки и хмуро озираясь по сторонам. Уже почти стемнело: зубчатая кромка леса казалась угольно-черной на фоне тёмно-лилового неба. С болот наползал туман.

– В той стороне огни, молодой мастер, небо светлее… Должно быть, какое-то поселение.

– Так чего ты ждёшь?! Где селение, там и постоялый двор… Деньги у тебя есть, я надеюсь?

– Есть немного, мастер, как не быть, да только это же *наши* деньги, не здешние…

– Не имеет значения! – безапелляционно заявил Марикс. – Идём!

Трикобыла терзали сомнения; но не спорить же с отпрысками Господина Высокое Небо! В конце концов, о некоторых способностях Марикса пивник даже не догадывался…

Станция Мгла встретила странную троицу тишиной и тусклым сиянием фонарей. Марикс брезгливо переступал мазутные пятна. Улицы в этот час почти опустели, но редкие прохожие с любопытством задерживали на вновь прибывших взгляды. Трикобыл чувствовал себя неуютно: их костюмы явно не соответствовали здешним представлениям о том, что можно и нужно носить. Сам он был облачен в широченные, изрядно выцветшие штаны, рубаху с длинными, ниже кончиков пальцев, рукавами, и традиционный кожа-

ный жилет пивника. На голове Трикобыла красовалась надёжная походная шляпа – с прочным, обтянутым холстиной каркасом и забранной внутрь, по случаю сумерек, вуалью. Марикс носил курточку с капюшоном, одевающуюся через голову – ладно скроенную и приталенную, и плотно облегающие ноги рейтузы с небольшими кожаными вставками там, где ткань подвергалась наибольшему износу. Дополняли наряд перчатки и сапожки. Ласса была в домашнем одеянии – нечто вроде комбинезончика из нескольких слоёв полупрозрачного газа, подпоясанного широким кушаком; облачиться во что-то походное девочка просто не успела.

– Любезный незнакомец, не подскажешь ли усталым путникам дорогу до постоялого двора? – обратился Трикобыл к очередному прохожему.

Тот оглядел троицу мутным взором, и буркнув что-то вроде «цирк уехал – клоуны остались», двинулся было дальше…

– Тебе, кажется, задали вопрос, быдлянин! – в голосе Марикса звенели льдинки. По спине Трикобыла пробежали мурашки – мальчик выплеснул своё «эго» за пределы тела. Прохожий остановился. Со стороны могло показаться, будто он влип в густой сироп – все движения сделались вдруг плавными и неторопливыми, его повлекло назад, к маленькой фигурке, требовательно упёршей руки в бока.

– Отвечай, живо! – велел Марикс.

– Гостиниц тут нет… Мгла – город маленький… – хриплый голос звучал растерянно, в глазах пойманного плеска-

лось недоумение.

– Что ж нам делать? – непонятно к кому обращаясь, спросил Трикобыл.

Пивник был растерян. Нет, положительно, он не годился для таких похождений! То ли дело замковая пивоварня – начищенные до блеска, луженые медные котлы высотой в два человеческих роста, сложные системы нагрева и охлаждения и целый штат помощников для обслуживания этого маленького чуда… Свою работу он знал до тонкостей, да и как могло быть иначе – Господин Высокое Небо не стал бы держать у себя посредственного специалиста. Но он пивник, простой пивник!

– От этого человека никакой пользы, он слишком туп! – подала вдруг голос Ласса. – Оставь его, Марикс. А ты, Трикобыл, спусти меня на землю.

Пивник облегчённо повиновался: девочка весила немного, но руки у него всё же затекли.

– Давайте найдём хороший дом и попросимся туда на ночлег, – продолжала Ласса, поёживаясь от холода. – Только, чур, выбирать буду я!

– Почему это ты?! – мальчик явно не хотел уступать инициативу.

– Потому что я это придумала, братец! – парировала Ласса. – Знаешь что, давай не будем сейчас спорить. Я хочу поскорей очутиться в тепле!

– Ладно… – проворчал Марикс и, обращаясь к очумевше-

му прохожему, резко приказал: – Забудь, что ты нас видел, быдлянин!

Глаза того разом обессмыслились. Трикобыл хорошо представлял, что сейчас чувствует этот бедняга: пару лет назад Марикс проделал такую штуку с ним самим. Пивник застал мальчика за некой шалостью… Он был почти уверен, что это так… Но стоило попытаться вспомнить подробности – и память отказывала.

Теперь их маленькую команду вела Ласса. Девочка изрядно продрогла на холодном осеннем ветру – из них троих её одёжки менее всего подходили для здешнего климата. Мимо тянулись покосившиеся дощатые заборы. Дома за ними не внушали доверия – тёмные, обветшалые, возведённые на скорую руку, словно их обитатели не собирались долго задерживаться в этом богом забытом месте – да вот пришлось… Одна из построек, впрочем, выгодно отличалась от своих товарок. Стены покрывал свежий слой сурика, оконные наличники были побелены, а над крыльцом горел неяркий фонарик, освещая жестяную табличку с аккуратно выведенным номером.

– Сюда! – сказала Ласса и решительно направилась к дверям.

***

Поезд, звучно громыхая колёсами на стыках рельс, летел сквозь сумерки; встречный ветер вышибал слезу. Гаргулов

замер возле дверей, держась за поручни. Через пару минут должна была показаться платформа Мглы. Состав наверняка замедлит ход… И Дурко не преминёт спрыгнуть, в этом капитан был почти уверен. Некоторые сомнения вызывала скорость. Слишком быстро они мчались, прямо ненормально! Собственно, уже сейчас должны были показаться станционные огни. Сан Саныч прищурился. Клочья дыма из трубы тепловоза мешали рассмотреть – что там, впереди; но вроде бы всё те же болота и лес… Однако! Далековато он забрался в пылу погони… Состав меж тем наращивал ход. Капитана начали разбирать сомнения. Они никак не могли проехать мимо платформы, обходных путей здесь не существовало в принципе!

Минут через пять Гаргулову надоело таращиться. Уже понятно было – поезд совершенно невероятным образом миновал станцию и теперь мчится сквозь тайгу. «Может, свет вырубился, сразу во всём городке; вот и проскочили… Мало ли что…» – попытался убедить себя Сан Саныч. «Ещё не так темно, ты бы всё равно увидел платформу… Галлюцинациями, вроде, не страдаешь – а, капитан?»

– Хватит! – Гаргулов выругался. – Ясен день, проглядел я станцию; мы теперь едем к магистрали… Ну Джо, ну, Дурко! Сейчас я тебя точно отпинаю…

Приняв такое решение, Сан Саныч поднялся по дырчатым ступенькам и распахнул дверь тамбура. Внутри царила густая тьма. Впрочем, это длилось недолго – спустя пару се-

кунд сработали таинственные механизмы, лязгнуло, щелкнуло, и в стенах под потолком медленно прозрели четыре тусклых оранжевых глаза – ни дать ни взять, аварийное освещение.

– Ишь ты! Как на субмарине! – удивился капитан, осматриваясь. Тамбур был пуст и непривычно опрятен: ни окурков под ногами, ни исчёрканных стен, ни облупившейся краски – только потемневшие от времени металлические поверхности с рядами грубоватых заклёпок. «Надо же, прямо бронепоезд какой-то».

В вагон вела раздвижная дверь – раза в полтора шире обычной и без стёкол; их тоже заменяли листы металла. Сан Саныч потянул ручку… Да, в *таких* вагонах ему ещё не доводилось бывать! Привычных скамеек не было и в помине, зато имелись откидные сиденья. Большую часть пространства занимали высоченные, под потолок, и совершенно незнакомые механизмы – их ряд тянулся по всей длине вагона. Техника фурычила вовсю: вращались бронзовые шестерни, гудели обмотки, в застеклённых окошках без устали сновали рубчатые поршни. Сумрачное пространство то и дело озаряли каскады синих искр; по вагону раз за разом проносились волны быстрого электрического огня, отсветы мерцали в антрацитовой полировке сидений… Запах озона щекотал ноздри. Парочка слабых оранжевых огоньков «аварийного освещения» над дальней дверью чуть заметно помаргивала. Гаргулов шагнул внутрь. Волосы на голове заше-

велились, вставая дыбом; ещё один шаг – и ладонь больно ужалил статический разряд. Капитан шарахнулся к окну.

– Твою мать, заземлить не могли, суки, К-кулибины, растудыть вашу!

Каждый шаг теперь сопровождался лёгким потрескиванием. Этот вагон был пуст, но в следующем Сан Саныч от самых дверей заприметил пару неподвижных фигур в одинаковых чёрных дождевиках, сидевших друг напротив друга.

– Эй, мужики, здоро… – слова приветствия застряли у капитана в горле, стоило ему разглядеть пассажиров.

То, что обе физиономии были синюшно-бледные, да ещё в крупных, с монету, родимых пятнах, не беда: за службу свою капитану довелось насмотреться и не такого. Но вот лиц вдвое длиннее обычного, да ещё с острыми, словно морковки, носами и ушами по меньшей мере вчетверо больше нормального ему ещё не встречалось! Голова стала вдруг пустой и звонкой, словно кастрюля. Маленькая нелепая мыслишка: «Маски, что ли, напялили?» – металась в ней от стенки к стенке, а больше ничего там и не имелось…

Один из пассажиров приподнял веки. Глазки у него были нехорошие: словно две чёрных дырки, вдобавок посаженные чересчур близко. Окинув капитана безразличным взором, уродец зевнул, обнажив длинные лошадиные зубы, и вновь впал в прострацию. Гаргулов ещё какое-то время таращился на странную парочку, потом бочком-бочком миновал их и двинулся дальше, пытаясь собрать воедино разлетающиеся

осколки реальности. «Больные, прокаженные какие-то… А поезд – специализированный, медицинский… Да нет, чушь всё это, чушь…»

Следующий вагон встретил капитана сильным и неприятным запахом. Источником его была куча бесформенного тряпья на сиденье. «Бомж» – решил Сан Саныч. «Скотина, воняет-то как!». Гаргулов без церемоний тряхнул пассажира.

– Эй, любезный! Ну-ка, подъём!

Тряпьё зашевелилось… Гаргулов быстро отдёрнул руку. Волна искр в очередной раз прокатилась по вагону, и капитан углядел среди тёмных лохмотьев матовый блеск чешуи. Что-то двигалось там, в этих тряпках, которые на самом деле были чем угодно, но только не тряпками; что-то большое и упругое неторопливо разворачивало бесчисленные петли гибкого тела… Шорох был еле слышен, но от этого звука шерсть встала бы дыбом на загривке любого примата – неважно, провёл ли он свою жизнь под кроной тропического леса или закончил с отличием академию… Стараясь не делать резких движений, Гаргулов отступил назад. Зловещее шуршание гипнотизировало. Тёмная масса на сиденье меняла форму, пухла, разворачивалась, поднималась всё выше и выше…

Трусом Сан Саныч не был: за годы службы довелось ему повидать и холодный блеск финки в татуированных лапах, и сквознячком в душу веяло от автоматного зрачка – в об-

щем, чем только не радовала жизнь, особенно в весёлые девяностые. Ситуации, повергавшие в панику многих его коллег, оставляли Гаргулова абсолютно спокойным; лишь в груди словно бы намерзал ледяной комок – и долго потом не спешил оттаять. Нечто подобное испытывал капитан и теперь, пятясь по проходу. Перед внутренним взором Сан Саныча маячил тяжеленький, надёжный «макаров» – сейчас, увы, бесконечно далёкий… Наконец, ладонь нащупала ручку. С несказанным облегчением Гаргулов выскользнул из вагона, захлопнул дверь и прижался к ней спиной… В тамбуре он был не один. Неуловимый Джо сидел на корточках, зажав в зубах сигарету и совершенно не собираясь куда-то удирать. Вид у него был под стать Гаргулову – слегка обалделый.

– Слышь, шериф… Куда это нас с тобой занесло, а? – судорожно затянувшись, спросил Джо.

– Понятия не имею, – честно ответил капитан. – Ты, это… Видел?

Юнец передёрнул плечами.

– А то!

Несколько минут прошло в молчании.

– Я одного не понимаю: как это мы Мглу ухитрились проехать! – нарушил затянувшуюся паузу Гаргулов.

– Думаешь, мы по тайге чешем? В окошко давно не смотрел, шериф? Сейчас, блин, погляди… – предложил Джо.

– Ещё раз назовёшь меня шерифом… – буркнул Гаргулов, отлипая от двери: оказывается, он всё ещё стискивал ручку

– да так, что пальцы свело.

– Шериф и есть, кто же ещё… Да ты смотри, смотри… – Джо нервно полез за очередной сигаретой.

Ночь за окном не спешила вступить в свои права. Сан Санычу даже показалось, будто стало светлее – а спустя мгновение он понял, почему: в небе переливались и дрожали призрачные полотнища. Однако не это поразило капитана: полярное сияние, в общем, не такая уж редкость для здешних широт. Но тайга, та самая тайга, что окружала маленький городок бескрайним хвойным морем – куда подевалась она?! До горизонта, насколько хватало глаз, тянулись болота – плоские, унылые, сплошь в окнах чёрной, как смола, воды. Не было и не могло быть поблизости таких пейзажей; и в довершение картины, из воды вдруг вынырнуло продолговатое чёрное тело размером с доброго кита – фыркнуло, выбросив фонтанчик воды, показало гладкую, блестящую в свете небесных зарниц спину и погрузилось вновь.

– Видал?! – восхищённо спросил Дурко. – В общем, влипли мы с тобой, шериф, в какие-то совсем уж непонятные дела… Чё дальше-то делать будем?

– Когда-нибудь он остановится, верно? На какой-нибудь станции… А где станция – там и люди… И отделение полиции тоже! – со значением произнёс капитан.

– Э! Э! Шери-иф… – укоризненно протянул Джо.

– А ты как думал?! – заломил бровь Гаргулов. – Ну, попали мы с тобой… Незнамо куда. Так это не отменяет нашей

маленькой проблемы, дорогой ты мой уклонист. Что я, зря в болоте искупался, за тобой гоняючись?

– Упёртый ты, шериф… – горестно покачал головой Дурко.

– Ага! Мы, шерифы, тем и славимся...

***

Ефим Альшиц, человек неправильной национальности, оказался в сибирском захолустье, можно сказать, случайно. Виной всему была отвальная институтская пьянка, двое коварных сокурсников – и забавное, в общем-то, стечение жизненных обстоятельств. По натуре своей Фима был человеком неглупым – но совершенно фантастическим раздолбаем, о чём не переставала горевать вся его многочисленная родня. Отчаявшись наставить юного оболтуса на путь истинный, родичи взяли бразды Фиминой судьбы в свои руки. После окончания ВУЗа Альшица ждала карьера в городе Мга Ленинградской области, где заведовал хлебным местом родной Ефимов дядя. Дело, казалось, было на мази; но не зря говорят: хочешь рассмешить господа – расскажи ему о своих планах...

Окончание экзаменов отпраздновали весело и буйно: молодость, как известно, случается с человеком всего раз в жизни. Наутро, подпираемый с двух сторон чуть более трезвыми однокашниками, Ефим очутился на вокзале. Сунув в окошко кассы свой паспорт и пачку мятых купюр, моло-

дое дарование выдохнуло облако удушливого перегара вперемешку с нечленораздельным бормотанием.

– Куда-куда?! – поморщилась желчная мымра за стеклом.

Фима снова что-то буркнул – и уснул.

– Я ни слова не понимаю, молодой человек! – склочно тявкнула кассирша. – И не дышите в мою сторону!

Очередь заволновалась.

– Да что ж за безобразие! Вы людей задерживаете! – громко воскликнула неопределённых лет хмурая тётка – такие найдутся в любой очереди, за чем бы она ни стояла.

– Мг… Мгвня! – выдавил Фима, не приходя в сознание.

– Мгла, что ли? – весёлый толстый дядечка сочувственно похлопал Фиму по плечу. – Знаю такую… В наши, стало быть, сибирские края… Эт дело! Только туда прямых поездов нет, тебе через Красноярск надо ехать, что ли…

Молодой специалист никак не отреагировал на сказанное; сокурсники же переглянулись – и обменялись нехорошими ухмылками. Отличаясь неуемной страстью к подлянкам и розыгрышам, эти мелкие пакостники узрели перст судьбы в случайной реплике толстяка. Прощальная хохма обещала затмить все предыдущие. Кассирша, наконец, приняла деньги. Оказалось мало, но Фимины спутники деловито обшарили его карманы и добрали требуемую сумму…

В вагоне Ефим вырубился напрочь: тепло и духота плацкарты подействовали не хуже наркоза. Проснулся он к вечеру. За окном мелькали родные просторы – вполне себе од-

нообразные. Рядом с Фимой думал тяжелую думу коренастый усатый человек с жестоким лицом, в странной полувоенной форме. Напротив сидела молодая мама с ребёнком. Дитё, склонив голову набок, разглядывало попутчиков.

– Тякой дядя гутиний!

– Ну почему грустный, дядя устал просто… – дипломатично отвечала мамаша.

– И етот дядя гутиний! – удивлялся ребёнок.

Мужчина с жестоким лицом тяжко вздохнул.

– Поживи с наше, пацан – тоже веселья-то поубавится… – посулил он и поднял свинцовый взгляд на Ефима. – Ну что, сосед, продрал ясны очи-то? Будем знакомиться…

«Гутиний», по выражению ребятёнка, гражданин представился как атаман Семён Гутенной – чистая детская душа почти угадала.

– Из пырявинских казаков мы! – гордо добавил попутчик.

В его устах «пырявинские казаки» звучали как-то особенно задиристо, этакими любителями пырять кого ни попадя блестящими острыми шашками.

– Ефим Альшиц…

Атаман скривил губы.

– А, ты из этих… По шнобельку и не скажешь… Не люблю я вашу национальность, вот что! Неправильная она, – в подтверждение этих слов жилистый кулак Гутенного брязнул о столик.

Ефим ощутил некоторую обиду.

– Это почему же неправильная?

– Да уж потому… Христа нашего распяли, пить не умеете…

– Как это не умеем! Кто, я? Очень даже… – рассеянно отозвался Фима, решив не поднимать скользкий вопрос Иисусовой национальности; он нутром чувствовал, что здесь может случится скандал.

Атаман расценил слова Фимы как вызов; из-за пазухи его, словно по волшебству, возник поблёскивающий «мерзавчик».

– А это мы сейчас проверим… – исподлобья глядя на Фиму, процедил Гутенной.

– Легко!

– Ах, легко? Ну давай!

– Ну смотри!

– Силён! – с некоторым удивлением проворчал Гутенной. – А ну-кось, теперь я…

Дальнейшее Ефим помнил довольно смутно: в краткий момент прояснения он обнаружил себя подпевающим атаману необыкновенно красивым и чистым голосом. Тянули «Любо, братцы, любо» – очень задушевно; на глаза молодому специалисту наворачивалась слеза. «А может, я тоже из этих, из казаков пырявинских… Не по отцу, так по матери; или там, по деду с бабкой… Кто его знает?»

Институтская пьянка перетекла в дорожную плавно и естественно. Когда веселишься, время летит стрелой. Может

показаться невероятным, но Фима пару дней вобще не задавался вопросом – куда он, собственно, едет и почему.

На прощание Гутенной обнял Ефима, дохнул в лицо махорочно-алкогольным букетом.

– Ну дай слово, что окрестишься!

– Да будет, будет тебе, Сёма! – проникновенно отвечал Альшиц.

– Хороший ты парень, вот что я скажу, хоть и неправильной национальности… В очередной раз проспавшись, Ефим смог наконец перевести дух и разобраться, куда его, собственно, занесло. Разговоры попутчиков встревожили Ефима, а указанный в билете пункт назначения привёл его в полное недоумение. Последующая ревизия собственного положения и состояния финансов поначалу ввергла человека неправильной национальности в ужас. Однако, спустя пару часов беспросветного отчаяния, он начал смутно различать светлые стороны такого поворота событий. Денег на возвращение ему в любом случае не хватало, но и голодная смерть в перспективе тоже не маячила – по крайней мере, ближайшие несколько дней. Было и кое-что ещё: почти незаметное, исподволь набирающее силу чувство; весёлые колючие пузырьки невидимого шампанского, от которых кругом идёт голова… Свобода.

Здесь не было заботливого семейства, сонма близких и дальних родственников; не было друзей и знакомых – преуспевающих либо собирающихся преуспеть в самое ближай-

шее время. Только жесткая полка, перестук колёс, тайга за окном и восхитительная неизвестность впереди.

Какая-то цель Ефиму всё же требовалась; и целью этой стала невесть как осевшая в памяти Мгла. Он добрался туда ранним утром, вдохнул полной грудью воздух, насыщенный железнодорожными запахами пополам с ароматом хвои – и улыбнулся. От всегдашнего раздолбайства вдруг не осталось и следа: к вечеру у Ефима была комната в общежитии и работа. И то, и другое предоставил директор лесопилки: столичный шарм и деловитые манеры приезжего произвели на него самое выгодное впечатление.

– Как молодого специалиста мы вас оформить не можем, сами понимаете – вот если бы вы попали к нам по распределению, тогда, конечно, совсем другое дело…

Ефим твёрдо заверил, что никаких поблажек не ждёт, чем ещё больше расположил к себе начальство. Разумеется, будучи человеком неправильной национальности, Фима не мог не известить родню о своём местонахождении. Он вкратце обрисовал нынешнее своё положение (благоразумно опустив причины, к нему приведшие), заверил всех в полной своей удовлетворённости и мягко намекнул, что все попытки повлиять на него обречены на провал. Родня, к счастью, поняла правильно – и не стала портить Фиме кровь.

– Чезаре Альшиц! Сибирский Цезарь! – то ли укоризненно, то ли уважительно пророкотал в телефонную трубку Аркадий Яковлевич, дядя Аркаша – да-да, тот самый началь-

ственный дядя из Мги. – Лучше, значит, первым в деревне, чем вторым в Риме… А что, пожалуй, ты и прав! Возмужал, заматерел – я уж по голосу слышу… Ну, ты давай там, не подкачай! А надумаешь вернуться, местечко для тебя завсегда будет.

И Фима не подкачал; а спустя месяц, когда запутанная и хромающая на обе ноги лесопильная бухгалтерия была приведена в надлежащий вид, он и вовсе стал правой рукой своего работодателя. По ходу дела, в умной Фиминой голове родилась парочка не очень-то и сложных, но оригинальных финансовых схем. Будучи опробованы, они принесли его патрону неплохую прибыль – а поскольку тот был мужиком неглупым, благодарность не заставила себя долго ждать. Через полтора года человек неправильной национальности покинул общежитие, въехав в собственный, только что купленный домик на окраине – требующий, конечно, серьёзного ремонта и дальнейших капиталовложений, но ведь свой же!

Дом вскоре избавился от прогнивших и зараженных грибком досок; в один прекрасный день старая краска шелухой облетела наземь, словно отслужившая своё змеиная шкура. Белила и сурик, вечные спутники малоэтажного строительства, довершили преображение – и Ефимово жилище, некогда одно из самых запущенных, стало выгодно отличаться от большинства соседских построек. Обстановка также потихоньку менялась – жильё обретало уют. За несколько лет автономного существования Фима с удивлением обнаружил,

без скольких вещей он может, оказывается, обойтись в этой жизни. Тем приятнее было обретать их, понемногу разбавляя комфортом спартанскую простоту. Взять хотя бы электрический звонок, издающий мелодичное «динн-донн!» – точно как в родительском доме (тут Фима проявил некоторую сентиментальность). Усовершенствование было небольшим, но тешило скромное Фимино самолюбие: на всей улице звонок был, наверное, у него одного. Соседи не заморачивались подобными изысками, предпочитая стучать в дверь или в окошко.

В тот вечер он вернулся домой позже обычного, засидевшись на работе: близился квартальный отчет, да возник откуда-то мутный слушок о внеплановой финансовой проверке – в общем, надо было немножко подчистить хвосты. По пути Фима завернул в продуктовый и прикупил там свежего говяжьего фарша. Этот незамысловатый продукт он уважал чрезвычайно. Будучи любителем вкусно поесть и холостяком, готовил Ефим неплохо, однако искусство приготовления всяких сложных блюд оставалось покуда тайной за семью печатями. Этим вечером предстояло сделать выбор между макаронами по-флотски и супом с фрикадельками, до которых Фима был большой охотник. Макароны, тем не менее, одержали верх: долго возиться не хотелось.

– Бабу вам надо завести, барин! – сам на себя ворчал Ефим, наливая в кастрюлю воды. – Она б не только фрикадельки…

– Не всё так просто! – вздыхал придуманный «барин» – сибаритская Фимина сущность. – Женщинки очень требовательны к условиям выгула и содержания, да и потом – я ведь каку попало не возьму! Надо, чтоб и красивая, и ласковая, и работяшшая…

– Ага, щас! Раскатал губёнку-то! – сгрубил «барину» «слуга».

– Выпорю я тебя на конюшне за такие сло… – содержательный монолог прервал колокольчик звонка.

Ефим удивлённо поднял бровь: в гости он никого не ждал. «А вдруг на пороге та самая, желанная – стоит и мёрзнет на холодном осеннем ветру…» Он улыбнулся мимолётной романтической мысли, но дверь открыл с лёгким интересом, может быть, даже с тенью некой надежды – и не спрашивая «кто там».

Трикобыл стоял позади детей, но именно на него обратился в первую очередь изумлённый Ефимов взор. Человека таких габаритов встретишь нечасто, а странная одежда лишь подчёркивала импозантность пивниковой фигуры. Спутники его выглядели не менее экзотично. Длинные волосы Марикса и Лассы отливали тёмной медью – словно тонкая проволока трансформаторной обмотки; черты лиц были настолько правильными, что невольно наводили на мысль о манекенах. Нежно-розовая, без единого пятнышка кожа, глубокая синева глаз, странные наряды – дети словно сошли с глянцевых страниц дорогого каталога, вестника высо-

кой моды. Первая мысль Фимы такой и была: где-то поблизости проходят съемки, и странная троица явилась попросить что-то – например, подключить какой-нибудь осветительный прибор… Стоп! Какие ещё съемки, какие журналы – это Мгла! Скорее всего, у людей сломалась машина…

– Можно, мы войдём? – мелодичным голоском спросила девочка.

Мальчик молча шагнул вперёд – и ничего не понимающий Ефим посторонился, пропуская странную троицу.

Девочка по-хозяйски огляделась.

– А знаешь, мне здесь даже нравится – чисто, аккуратно… Что скажешь, Марикс?

– Сойдёт, – буркнул мальчик.

– Э-э, простите, а собственно… – подал голос Ефим.

Мальчик коротко глянул на него – и человек неправильной национальности вдруг понял, что не может издать ни звука. Какое там, он даже пошевелиться не мог!

Трикобыл протиснулся мимо остолбеневшего хозяина, виновато крякнув, и закрыл за собой дверь.

– Пивник, я устала и хочу спать! – капризно сказала Ласса.

– Только давайте сперва поедим, – вмешался Марикс – Быдлянин, у тебя в доме есть пища?

Одновременно с этими словами мальчик что-то сделал: Фима почувствовал, что его тело вновь ему подчиняется.

– Да кто вы такие!? – выпалил ошеломлённый Альшиц.

– Отпрыски Господина Высокое Небо и я, их скромный

сопровождающий, замковый пивник Трикобыл! – отрекомендовался Трикобыл, снимая свою шляпу и кланяясь в пояс. – Покорнейше прошу извинить за вторжение и причиненные вам неудобства, но ввиду крайних обстоятельств…

У человека неправильной национальности отвисла челюсть.

– Перестань оправдываться, пивник! – притопнул ногой Марикс. – Когда тут появится мой отец, он заплатит за всё, в том числе за кров, за стол и за беспокойство… А теперь я хочу ужинать, и побыстрей!

Нахальство мальчишки скорей позабавило, чем возмутило Ефима: ему живо вспомнился Марк Твеновский «Принц и нищий». Конечно, имелся большой соблазн осадить наглеца, а то и вовсе выставить странную компанию за дверь – но любопытный Фимин нос уже почуял восхитительный аромат неведомых загадок и тайн… Впрочем, Марикс отличался от его высочества принца Уэльского по крайней мере одним, притом весьма необычным, качеством.

– Э, да ты не торопишься; тогда мы сами! – недовольно буркнул он, а в следующий миг на Ефимовы глаза будто опустились две маленькие чёрные заслонки, отсекая его от остального мира…

– Какой ты всё-таки злой, братец! – воскликнула Ласса при виде мягко завалившегося набок хозяина дома. – Неужели нельзя было…

– Он бы замучил нас своими расспросами! – дёрнул пле-

чом Марикс. – И вообще, я ему ничего плохого не сделал. Каталепсия, сестрица! В таком состоянии он даже ушибиться не может… Пивник, приготовь нам трапезу.

Трикобыл опустился на корточки перед газовой плитой и принялся внимательно её рассматривать.

– Гм… Забавная штуковина… Остроумно, ничего не скажешь, остроумно… – бормотал он. – Ну что же, попробуем…

Спустя полчаса ужин был готов. Пивник, преодолев смущение, прошелся по Фиминым закромам. Результатом этого стало некое блюдо – к слову, весьма выгодно отличавшееся от изначально задуманных макарон по-флотски.

– Чьё это мясо? – подозрительно осведомилась Ласса, ковыряя вилкой в тарелке. Более практичный Марикс, не задавая вопросов, принялся за еду.

– Какое-то местное животное, довольно вкусное, если мне будет позволено высказать собственное скромное мнение… – смиренно отвечал пивник.

– Да? – Ласса покосилась на брата. – Ладно, я попробую, так и быть. Но если нам станет плохо, виноват будешь ты!

Трикобыл, только что положивший в рот очередную порцию, поперхнулся. Марикс вдруг хихикнул, кивнул на лежащего Фиму.

– Да ты не бойся, ничего с нами не будет. Этот человек не враг самому себе, чтобы питаться всякой дрянью, видно же.

Ласса начала клевать носом ещё до того, как трапеза за-

вершилась. Пивник разыскал чистое бельё и постелил детям на хозяйской кровати – поскольку она была единственной в доме. К счастью, этот предмет мебели дальновидный Фима приобрёл двуспальным, имея в виду поместить туда, со временем, некую симпатичную особу… Нашлись и лишние одеяла. Одним Трикобыл накрыл пребывающего в прострации хозяина, в другое укутался сам. Осторожно затворив дверь спальни, он приставил к ней пару стульев – и устроился на них, вытянув ноги, в полной решимости оберегать покой своих маленьких подопечных. Шляпу пивник снял и аккуратно положил на колени. Его толстые пальцы нервно погладили тулью. Там, в хитром тайнике меж двух слоёв ткани, ждала своего часа вещица – страшная и абсолютно незаконная... Сказать по совести, он не должен был даже знать о существовании *такого*, не говоря уж об обладании! Но в свете последних событий вполне мог настать миг, когда... «Надеюсь, этого не случится!» – истово пожелал Трикобыл

***

Поезд мчался по неведомым просторам. Капитан Гаргулов скрестил руки на груди. Неуловимый Джо сидел на корточках, кидая изредка на Сан Саныча осторожные взгляды – небось, опять замышлял какую-то пакость, подлец. За окном творилось черт-те что: небо делалось всё светлей и светлей, а бескрайнее болото с плавающими в нём монстрами постепенно заволакивало туманом. Не прошло и пяти минут, как

экспресс словно бы окунулся в густой молочный кисель: белая муть плескалась вплотную к стёклам.

– Светлеет, вроде! – заметил Джо. – А, шериф?

– Может, это луна такая яркая… – Гаргулов умолк. Он и сам понимал, что несёт ерунду: свет вовсе не походил на лунный. Дурко покачал головой.

– Не-е… Это мы с тобой куда-то не туда угодили…

– Всему есть рациональное объяснение, понял? Полигон какой-нибудь… Секретный…

«Только этого ещё не хватало для полного счастья!»

Свет за окном становился всё ярче и ярче, но что совсем ни в какие ворота не лезло – он вполне явственно начал пульсировать; словно где-то там, в небе, пыталась разгореться немыслимых размеров испорченная газосветная лампа. Туман и не думал таять, правда, теперь в мутной пелене угадывались уплотнения, тёмные массы – то ли странной формы деревья, то ли скрюченные, искорёженные некой страшной силой конструкции, не поймёшь. Поезд стал замедлять ход.

– Тормозим! – хмыкнул Дурко.

Гаргулов на всякий случай подобрался. Состав сбросил скорость. Изломанные силуэты теперь можно было рассмотреть: всё-таки это оказались растения – безлистые перекрученные ветви покрывали тысячи длинных острых шипов. Не на шутку заинтересовавшийся Джо приоткрыл было дверь – и в тот же миг с проклятием захлопнул её, плотно зажмурив глаза. Туман оказался не туманом, а паром, к тому же

нестерпимо-горячим: они словно заехали в раскочегаренную до предела парилку гигантской сауны.

– Твою ж налево! – ошеломлённо выдохнул Дурко, немного придя в себя и проморгавшись. – Слышь, шериф, отпусти мою куртку, а? И так уже ворот отодрал…

Поезд остановился. Совсем неподалёку раздался металлический лязг – открылась входная дверь. Захрустел гравий. «Похоже, та самая вонючая тварь сошла» – подумал Сан Саныч. «Ну и муть, ничего не разобрать». Состав постоял ещё немного, потом тронулся. Неуловимый Джо, высвободившись из полицейской длани, осторожно приоткрыл вагонную дверь.

– Никого – сообщил он через плечо. – Вышел этот… Это…

– Пойдём сядем, что ли, – предложил Гаргулов.

– Ага. Только не здесь, вонидзе стоит страшная!

Запах мускуса, действительно, был столь силён, что в горле начинало першить. Гаргулов осторожно заглянул в следующий.

– Пусто…

– Ага, следующие два пустые. А дальше что-то странное, – подтвердил Джо.

– В смысле?

– Даже не знаю, как сказать… – почесал затылок юнец. – Вот… Ну, представь, ты видишь что-нибудь самым краешком глаза.

– Периферическое зрение называется… Ну?

– Короче, я в вагон зашел, а там – полно народу… Но если напрямую смотреть, он пустой! Только с краю и видно, понял?

– Не очень, выражайся яснее.

– А ты сходи да глянь! – обиженно предложил Дурко. – Чё я тебе рассказываю… Да не сбегу я, сто раз говорил уже…

«Пожалуй, и впрямь не сбежит пока. Некуда» – подумал Гаргулов.

– Ладно, сиди здесь и не рыпайся…

Джо возмущенно фыркнул в капитанову спину и потянулся за сигаретами, но тут ему в голову пришла некая мысль. Ухмыльнувшись, Джо отошел в конец вагона и спрятался за непонятным механизмом. Спустя пару минут дверь в тамбур распахнулась. Гаргулов крепко выругался, его шаги торопливо забухали по проходу. Джо разразился сдавленным хихиканьем.

– Шутка юмора…

Тут капитан не удержался – и влепил приколисту крепкую затрещину.

– Ты чё, обалдел?! – взвизгнул Дурко.

– А ты пошути мне, мутант…

– Упырь!

Неуловимый Джо осторожно погладил затылок.

– Я жесток и пофигистичен, будешь выделываться, ещё не так всыплю! – хмуро посулил Сан Саныч. – Вот погоди,

доберёмся до людских мест…

Некоторое время они сидели молча. Джо дулся, капитан задумчиво глядел в окно. Туман вёл себя как-то странно: он теперь висел в паре метров над землёй, всё такой же густой и плотный – со стороны, наверное, казалось, будто состав плывёт по облачному морю.

– Ну что? – не выдержал наконец Дурко.

– Что «что»?

– Ну, ты видел… Этих?

Гаргулов молча кивнул.

– А то я сперва думал, проглючило… – нервно ухмыльнулся Джо.

– Не надейся, – буркнул Сан Саныч. – Всё так и есть: видно их только краешком глаза. И чувство такое… Нехорошее. Будто по кладбищу гуляешь.

– Во-во!

Под мерный перестук колёс путешественники задремали. Капитан периодически вскидывал голову, сонно поглядывая на спутника. За окном опять начало темнеть. Туман становился всё более плотным, колыхался, словно вода… Гм, да это и есть вода! От удивления с Гаргулова слетела дрёма. Поезд мчался по узкой полоске суши: она изгибалась дугой, исчезая в сумрачных далях – а со всех сторон, куда ни кинь взгляд, раскинулась водная гладь. Мелкая волна разбивалась о щебень насыпи в каком-то метре от колёс вагона. Сан Саныч пихнул Джо.

– Эй, глянь-ка…

– Ни фига ж себе… – откликнулся Дурко. – Дорога через море! Слышь, шериф… Я знаешь чего думаю? Эти штуковины, – тут Джо кивнул на странную машинерию. – Из-за них всё, короче. Ну, все эти изменения.

– Почему ты так решил? – с любопытством спросил Гаргулов.

– А вот смотри: они в каждом вагоне есть, верно? Места много занимают, из-за этого скамейки такие узкие. Значит, не просто так установлены: без них нельзя. И работают всё время, искрят вон… Значит, делают чего-то.

«А ведь пожалуй, прав парень» – подумал Сан Саныч. «Первая здравая мысль, да ещё рождённая в черепушке Дурко – это чего-нибудь да значит…». Сам он уже некоторое время обдумывал вариант – а не добраться ли до кабины машиниста, да и расспросить его, что за чертовщина здесь происходит. Но чем дольше капитан муссировал эту идею, тем менее привлекательной она ему казалась. Этот поезд – он как пить дать штука секретная, ясно же… А ненароком проникшие в такую важную тайну… Да наверняка государственную, сразу огребут по самое не балуйся! А то и вовсе: раз – и исчезнут. Как говорится, нет человека, нет проблемы. Костик его последний раз видел, когда он за пацаном погнался. Решат, небось: грохнул зараза Гаргулов беднягу Дурко в приступе термоядерного гнева, тело в болоте утаил, а сам подался в бега… Весёленькая перспектива, ничего не

скажешь… Капитан мрачно зыркнул на Неуловимого Джо. Нет уж, лучше сидеть тут, ниже травы, тише воды… Бог даст, пронесёт. В конце концов, должна же быть у этого чертова паровоза конечная остановка; там и посмотрим, по обстоятельствам…

– Слышь, шериф! Как думаешь, есть тута контролёры? Или проводники какие-нибудь? – прервал невесёлые капитановы размышления Джо. – А то мы без билетов, что я, что ты… Высадят, блин, где-нибудь… Вон, посреди моря.

– Не высадят, – буркнул Гаргулов. – Имею право, в крайних обстоятельствах… Да ещё посмотрим, какие-такие проводники. Пока только мы с тобой по вагонам шастаем.

– Мы сколько уже едем – часа два?

– А чёрт его знает. Вроде того. С этими сменами дня и ночи не поймёшь…

За окном меж тем вновь начало темнеть. Горизонт мало-помалу заволокло пеленой. Налетел ветер, гоня по воде стада сердитых белых барашков. Сквозь стук колёс то и дело пробивался плеск волн, вскоре их брызги долетали уже и до оконных стёкол. Вдобавок, с небес обрушился ливень. «Не размыло бы насыпь-то» – с опаской подумал Гаргулов: судя по всему, там, снаружи, начиналась буря. Шквальные порывы били в стены вагонов, металл отзывался глухим гулом. Невдалеке прожгла себе дорожку зеленоватая молния, высветив на мгновение буйство стихий. Состав прибавил ход. Волны искрящегося сияния теперь пробегали по вагону ча-

ще – неведомые механизмы, которые Гаргулов окрестил про себя «генераторами», заработали в ускоренном ритме. Шум бури постепенно стал отдаляться: кипящее водное пространство погружалось во тьму. Кем бы ни был неведомый машинист, дело своё он, видимо, знал туго; и слегка успокоившийся капитан задремал.

Разбудил его Неуловимый Джо. Юнец самым бесцеремонным образом тряс блюстителя закона.

– Ну?! – недовольно проворчал Гаргулов

– Шериф, да ты погляди! – в шалых глазах Джо плескался восторг.

– Ты за каким лешим меня поднял?! Ну, степь… Быки какие-то пасутся…

– Это же прерии! – в голосе Джо звучало благоговение. – Настоящие, с бизонами…

– Ага, сейчас ещё индейцы выскочат… В перьях! – хмыкнул Сан Саныч. – Слушай, не беспокой меня больше по пустякам, идёт?

– Хороши пустяки… – буркнул Джо, впрочем, его глаза вскоре начали слипаться, и юнец задрых, скрючившись на сиденье.

Гаргулов то погружался в сон, то выныривал из мягких тёплых облаков забытия, поглядывая в окно. Сумбурные обрывки сновидений мешались с пейзажами, один чуднее другого. За всё это время поезд останавливался лишь раз – посреди маленького пустынного городка. Изящные дома, увен-

чанные островерхими башенками, флюгерами и шпилями, живо напомнили капитану старый Таллин, где ему некогда довелось погостить. Но здесь всё было запущенным, мёртвым – пустынные улочки, тёмные окна и полное отсутствие людей... Впрочем, периферийное зрение то и дело засекало некое движение, точь-в-точь как в наполненном призраками вагоне.

Проснулся он от громкого металлического лязга. Судя по ощущениям, состав сбавлял ход. В вагоне царил сумрак. Капитан не сразу понял, что же случилось: в окнах, меж двойных стёкол, упали тяжелые металлические заслонки, разом перекрыв свет. Неуловимого Джо нигде не было. «Отправился-таки искать на свою жопу приключений, засранец!»

Гаргулов выскочил в тамбур, заглянул в соседний вагон… Состав тормозил. Остановка… На самой грани восприятия капитан уловил слабый металлический хлопок за пару вагонов от него и чуть слышное шуршание гравия. Сан Саныч распахнул дверь. Ярчайший солнечный свет резанул глаза. Волна горячего воздуха проникла внутрь, неся с собой дразнящие тропические ароматы. Сквозь выступившие на глазах слёзы капитан успел заметить спину Неуловимого Джо и затянутые в джинсу тощие конечности, исчезающие среди сочной зелени.

– Стоять!!! – взревел Гаргулов и спрыгнул на насыпь. Солнце палило вовсю. Щурясь от слепящего сияния, Сан Саныч нырнул в густую листву. Неуловимый Джо бежал по

узкой тропинке, ветви деревьев смыкались над ней, образуя изумрудный тоннель. Среди незнакомой растительности проглядывали постройки, но у капитана не было времени разглядывать их. Проклятый Дурко набрал приличную скорость. Гаргулов прилагал все усилия, чтобы не отстать. Он чувствовал, как между лопаток струится пот. Ну и жара, градусов сорок, наверное… Юнец скрылся за поворотом. Гаргулов прибавил темп – но тут нога его подвернулась. В голеностопе вспыхнула нестерпимая боль, и Сан Саныч повалился наземь, скрипя зубами, чтоб не заорать во всю глотку. Тропинка выходила прямо на мощёную светлым камнем улицу. Когда первая, самая сильная боль отхлынула, Гаргулов неловко поднялся на ноги.

– Дурко! Стой, оболтус! Какого лешего ты творишь?! – хрипло заорал он вслед удаляющемуся Джо. Юнец даже не обернулся, спустя мгновение он исчез в гуще листвы… Сан Саныч злобно выматерился, коротко глянул вверх и тут же зажмурился: солнце было почти в зените. Тяжкий зной обрушивался наземь подобно кузнечному молоту.

Отчаянно хромая, капитан добрался до стены ближайшего дома и присел в тени. Воздух стеклянисто колебался, искажая даль; там что-то двигалось – большое и непонятное. Спустя пару минут тёмное пятно приблизилось, обретя вполне конкретные очертания. Транспортное средство – назвать его автомобилем не поворачивался язык, больше всего походило на гибрид паровоза с трактором. Позади открытой

кабины располагался дощатый кузов, заваленный выше бортов туго набитыми мешками. Спереди имелся некий агрегат, увенчанный высокой медной трубой – оттуда вовсю валил дым. Поравнявшись с Гаргуловым, водитель потянул рычаг, и повозка, с шипением выплюнув струю пара, остановилась. Абориген и Сан Саныч с изумлением уставились друг на друга. Странное одеяние аборигена – не то кимоно ниндзя, не то костюм пчеловода, по всей видимости, было некогда чёрным, но ткань успела выцвести до невнятного рыжевато-серого оттенка. Голову незнакомца венчала шляпа, пришитая к её полям плотная кисея заправлялась в ворот куртки. На руках красовались перчатки с раструбами – и это в такую-то жару! Капитан вытер со лба пот, козырнул и постарался принять официальный вид.

– Здравия же…

Слова приветствия застряли у Сан Саныча в горле. Из-за угла выступили две огромных, больше человеческого роста, птицы. Мощные ноги несли поджарые тела, головы на мускулистых шеях были снабжены здоровенными (и наверняка очень острыми) клювами. Было что-то ещё в их облике, какая-то странная, совершенно нелепая особенность – но Гаргулов так и не успел понять, какая, ибо события вдруг завертелись с ужасающей быстротой. Водитель самоходной телеги выхватил из-за пазухи револьвер. Сан Саныч, узрев характерный жест, рефлекторно цапнул воздух у бедра – а в следующий миг загрохотали выстрелы. Перья на груди бли-

жайшей птицы брызнули во все стороны, фонтанчиком плеснула тёмная кровь. Ноги странного создания подломились, и оно рухнуло в придорожную пыль, судорожно подёргиваясь. Вторая птица, хрипло заклекотав, в два прыжка одолела расстояние до телеги. Новые выстрелы отбросили её назад – прямо под ноги Гаргулову. Сан Саныч не успел даже пошевелиться – тварь начала вставать, совсем рядом мелькнул распахнутый клюв, а потом что-то с силой ударило капитана в голову повыше виска, и мир померк. Последнее, что чувствовал Гаргулов – его куда-то тащат; а потом всё поглотила тьма.

Человека, расстрелявшего птиц, звали Кван. Он не слишком-то ловко владел своим оружием: последний выстрел не попал в цель, и пуля, срикошетив от стены, совершенно случайно контузила доблестного капитана. Но Сан Саныч, понятное дело, знать всего этого не мог.

***

– Ну и дела! – ошеломлённо помотал головой Фима. – Фантастика! Знаете, э-э, Трикобыл, если бы я не почувствовал силу этого мальчика на себе – ни за что бы вам не поверил! Но вот вы, все трое, у меня в гостях; я могу вас видеть, могу дотронуться…

Трикобыл напряженно улыбнулся. Ефим Альшиц пришел в себя незадолго до рассвета – таинственный гипноз к тому времени сильно ослаб, а потом и вовсе перестал действовать.

Пивник проснулся сразу, стоило ему только пошевелиться – слух у толстяка был прямо-таки кошачий. Сперва он вёл себя настороженно, впрочем, на Фимины вопросы отвечал охотно – и человек неправильной национальности не преминул этим воспользоваться, хотя от речей пивника ум заходил за разум… Надо сказать, любопытство было одной из главных черт Фиминого характера. Здесь, в глуши, он начинал страдать от информационного голода. Поначалу это почти не ощущалось, заботы и хлопоты обустройства на новом месте занимали всё свободное время. Но теперь, когда жизнь более-менее наладилась (да что там – очень хорошо наладилась, дай бог всякому такую работу и жильё в двадцать пять с небольшим), Фима всё чаще ловил себя на приступах лёгкой ностальгии по насыщенной событиями жизни. Общение с противоположным полом помогало лишь отчасти. К тому же, Фима знал: и тощая, слегка увядшая Раечка, шефова секретарша, и любвеобильная грудастая Натаха из скобяной лавки не смогут завоевать его сердце. Эти барышни были для него лишь полустанками на долгом пути к личному счастью – весьма приятными полустанками, спору нет, но никак не станцией назначения…

– Вобщем так, Трикобыл. Жить можете у меня, пока забесплатно… Ну, если останетесь надолго – помогу с работой. Соседям я скажу, мол, приехали родственники, дядька мой с племяшами. Так что детей предупредите. Да, знаете – надо что-то делать с их манерами… – Фима покосился на

дверь спальни. – Вы ведь не хотите привлекать к себе лишнего внимания, я правильно понял? Значит, придётся им кое-что усвоить…

Пивник горестно вздохнул.

– Поймите, Эффим, они – отпрыски Господина Высокое Небо…

– Трикобыл, – мягко улыбнулся Фима. – Прежде, чем я начну понимать, о чём идёт речь… Вам очень многое придётся мне рассказать, да. Вот например, этот Господин Высокое Небо… Я так понимаю, он какой-то начальник?

– Да нет же! – Трикобыл отчаянно замотал головой. – Ох, никогда б не подумал, что объяснять простые вещи настолько трудно! Господин Высокое Небо не относится к быдлянам, и его высокородные отпрыски тоже, неужели вы не видите!

– Не вижу *что*?

– Насколько они лучше нас… Прекрасней… Совершенней…

– Гм… – Фима посмотрел на собеседника снисходительно. – Положим, детишки и в самом деле красивые. Но то, как они ведут себя – это ведь просто кошмар! Мальчишка действительно обладает некой странной силой, я это испытал на себе… Гипноз, или как там это называется…

– Это «эго», энергия личности… У величайших она намного сильнее, чем у простых смертных…

– Ну допустим, допустим… Но это не даёт им права об-

ращаться с окружающими так, словно те неодушевлённые предметы! Это самовлюблённое маленькое дрянцо…

Лицо пивника налилось кровью, он стиснул пудовые кулаки.

– Господин Эффим! – тщательно подбирая слова, заговорил Трикобыл. – Вы у себя дома, и мы крайне обязаны вашему гостеприимству… Но я прошу вас – не заставляйте меня защищать честь моих господ… Под вашим кровом…

– Хорошо-хорошо; я, возможно, погорячился… – поднял ладони Фима. – Но и вы меня поймите... Не знаю уж, что за порядки царят там, откуда вы прибыли, но здесь свои законы… И кстати, что это за термин – «быдляне»? Звучит както, знаете… Оскорбительно!

Пивник тяжело заворочался, вылез из-за стола и опустился на колени.

– Пожалуйста, я вас молю… Будьте вежливы и почтительны с молодыми господами; поверьте – ни вы, ни я им не ровня… Ради всего святого…

– Да что же это… Встаньте, что вы делаете! – Ефим растерялся: здоровенный дядька стоял перед ним на коленях, с собачьей тоской во взоре заламывая руки.

– Прекратите немедленно, в конце концов!

Пивник, кряхтя, поднялся на ноги, в ту же минуту за дверью спальни послышались лёгкие шаги, и в комнату заглянула Ласса.

– Что здесь происходит? – спросила девочка, зевнув. –

Трикобыл, тебя обижают?

– Что вы, что вы, маленькая госпожа, никто меня не обижает! – поспешно заверил пивник. – Мы просто беседуем, да, только и всего…

– А мне показалось… Ну ладно. Кстати, я вижу, ты уже отмер? – теперь Ласса обращалась к Ефиму.

– Отмер? – не сразу понял Фима. –Ах, да… Сперва замер, потом отмер…

– Мой братец считает, будто у него очень сильное «эго»! – насмешливо бросила девочка, непринуждённо устраиваясь за столом. – А на самом деле даже до утра не хватило… Будь ты убийцей, ты бы уже сто раз мог вырезать нам сердце во сне! Обязательно расскажу Мариксу; может, это малость убавит его самонадеянность…

Фима поёжился: маленькая гостья говорила абсолютно серьёзным тоном – как будто такие вещи случаются сплошь и рядом. Впрочем, кто их там знает…

– Я хочу тёплого молока! – заявила меж тем Ласса. – Согрей его с тростниковым сахаром и стручком ванили, только чтобы не слишком горячее…

– Ещё рано… – попытался протестовать Фима.

– Рано? – удивилась девочка. – Что значит рано?! Ты же видишь – я уже проснулась!

Трикобыл поспешно вскочил.

– Позвольте, я сам всё приготовлю, маленькая госпожа, сам…

– Молоко на окне, – сдался Фима. – А тростникового сахару у меня сроду не водилось… И стручка ванили тоже. Есть пакетик ароматического ванилина, и всё. Трикобыл, посмотри на полке…

Пивник усердно взялся за дело. Самурай, понял Ефим: вот что мне всё это напоминает – самурайская самоотречённость… Хозяин с любопытством разглядывал девочку: вечером он видел её лишь мельком. Первое впечатление не обмануло: картинка, куколка, постановочное фото из дорогого глянцевого журнала… Непривычная гладкость и чистота кожи, слишком уж правильные черты лица, пухлые алые губки, прямые, поблёскивающие в свете лампы волосы оттенка тёмной меди… Фима кашлянул.

– Гм… Скажи, пожалуйста – а ты тоже владеешь этой силой, как её, «эго»…

– Конечно! – пожала плечами Ласса.

– А ты можешь, э-э, продемонстрировать… – Ефим потянулся к вазочке с печеньем, и тут ладонь его замерла на полдороги.

Он приложил все силы, пытаясь сдвинуть руку с места, на лбу выступили капельки пота… Напрасный труд! А девочка даже не обратила внимания на его страдания: она сидела на стуле, болтая ногами, и нетерпеливо поглядывала в сторону плиты, где Трикобыл помешивал в кастрюльке молоко.

– Спасибо, хватит…

Руку отпустило.

– А ты неплохо для чужестранца изъясняешься на глаголике! – внезапно сказала Ласса. – Я-то думала, нам придётся запоминать какой-нибудь варварский диалект…

– Глаголик? – непонимающе переспросил Ефим. – Вообще-то, я говорю на русском…

Ласса удивлённо вскинула брови.

– Ты говоришь на глаголике, не сомневайся… Что ещё за *русском*?

– Страна, в которой вы очутились, называется Россия, Российская Федерация – принялся объяснять Фима.

– Страна? А, я слышала… Это несколько поселений, разбросанных по большой территории, но объединённых центральной властью, да?

– Что ж, можно и так сказать…

– Какая архаика! – фыркнула Ласса. – У нас всё гораздо разумнее… И сколько городов в этой вашей федерации? Пять, семь?

– Несколько тысяч… – Фима снисходительно улыбнулся, увидев, как расширяются глаза девочки. – Есть совсем маленькие, вроде нашей Мглы, есть огромные…

– Как же ваш правитель контролирует такую большую территорию?! – изумилась Ласса.

– Ну, видишь ли, он скорей не правитель, а управитель… Его избирают…

– Постой… – девочка нахмурилась. – То есть как это… избирают?! Он же Власть!

– Да, но он не может оставаться на своём посту дольше определённого срока; таков закон.

– Но закон – это правитель!

– Вовсе нет! Законы писаны для всех, исключений не бывает… По крайней мере, в идеале, – поправился Фима. – На практике всё немного иначе…

Ласса хмыкнула.

– Это глупость или лицемерие!

– А как всё устроено у вас? – Ефиму становилось всё интересней и интересней.

– Гораздо проще и эффективнее, можешь поверить! Нашим городом правит мой высокочтимый родитель, Господин Высокое Небо. Он карает и милует, управляет погодой и стихиями…

– Стихиями?! Ну, и как же он, например, гм… Предотвратит наводнение?

– Оно просто не случится! – в голосе Лассы чувствовалась железная убеждённость. – Я же объяснила тебе: в пределах Аристопала нет ничего неподвластного его воле.

– А в других городах?

– В каждом – свой хозяин; вот, например, ближайший, Джеппа. Им правит Господин Хрустальное Озеро.

«Похоже, у них там, где бы это «там» ни находилось, что-то вроде городов-государств» – подумал Фима. «То-то я вспоминал самураев… Феодальные порядочки, города принадлежат знатным родам, а центральная власть – чисто но-

минальная или вовсе отсутствует».

– А теперь ты мне ответь: как ваш правитель контролирует всю эту огромную территорию? Как он меняет направления ветров, вызывает или прекращает дождь – неужели его «эго» так велико?

– Видишь ли, у нас нет этого вашего «эго»…

– Глупости, «эго» есть у всех! Это то, что отличает живое от неживого. Именно благодаря силе «эго» твоё тело двигается и разговаривает; просто у тебя её слишком мало, как и у всех быдлян. Поэтому сделать *вот так* ты не можешь…

С этими словами Ласса уставилась на Трикобыла. Пивник как раз наливал ей горячее молоко. Едва он закончил, кружка плавно поднялась в воздух, и описав дугу, опустилась на стол.

– Ну, так у нас точно никто не умеет: ни губернатор, ни даже президент! – убеждённо заявил Фима. – Разве что Давид Копперфильд!

– Кто он такой?

– Просто фокусник, я пошутил…

– Никогда не шути в присутствии облечённых властью! – наставительно сказала Ласса. – Ты неплохой человек, Эффим, поэтому я не буду тебя наказывать – но ты лучше запомни это правило…

– Так здешние обитатели неспособны выплеснуть своё «эго» за пределы тела? Даже правители? – вступил в беседу новый голос.

Марикс тоже проснулся и теперь стоял в дверном проёме, зевая во весь рот.

– Очень интересно! Тебе не кажется, сестрица, что это открывает перед нами весьма заманчивые перспективы?

Глава 2. Солнце Аристопала

Неспешно и величаво колышутся водоросли: пузырчатые, сочно-зелёные ленты многометровой длины – и другие, красновато-коричневые, со множеством тонких веточек, образующих шарообразную крону. Вода здесь пресная, но несмотря на это, морские формы жизни чувствуют себя превосходно. Актинии – каждая толщиной со столетний дуб, но всего несколько метров высотой, раскинули розовые полупрозрачные щупальца. На кромках бородатых скал прилепились губки – высокие, бледно-желтые фужеры. Они плавно сокращаются, и стайки мальков водят вокруг хороводы, переливаясь всеми оттенками спектра. Жгучие солнечные лучи, проникая сквозь толщу вод, теряют свою губительную силу; тёплые блики лениво играют в пятнашки среди мелких песчаных дюн. Это место чем-то похоже на исполинский аквариум – причудливый рельеф, разнообразие форм и расцветок соперничает по красоте с коралловыми атоллами тёплых морей. Неоновые искры креветок пронзают зеленоватый сумрак гротов, а над вершинами скал парят, раскинув крылья-плавники, гигантские манты...

Картины подводного мира расплылись и исчезли. Вместе с пробуждением пришли дискомфорт и боль. Ныла голова, дёргало больной голеностоп, саднила кожа на лбу и тыльных сторонах ладоней – надо сказать, весьма ощутимо. То, на чём

он лежал, шуршало при каждом движении. Где-то неподалёку раздавались тихие всплески. Пахло цветами и тиной; шептались листья, поскрипывало рассохшееся дерево... «Река тут поблизости, что ли?» – подумал Гаргулов. Эта мысль вызвала поток других, и воспоминания нахлынули на Сан Саныча мутной волной. Он приподнялся на локте. Голова тотчас отозвалась тупым гулом, как после хорошей пьянки. Боль концентрировалась слева, повыше виска. «Однако! Чем же это меня… Стоп! Почему я ничего не вижу?!» Страх обжег, словно раскалённое железо. Гаргулов вскинул руку к глазам – и нащупал плотную повязку. Совсем рядом некто зашевелился, чьи-то руки мягко надавили капитану на плечи.

– Твоя не вставай, твоя плохо вставай! Твоя болеет, однако…

– Где я? Что с глазами?! – прохрипел Гаргулов.

– Моя глаголик хорошо говори не знай… Твоя отдыхай пока, день есть, – ответил заботливый голос и прибавил: – Твоя глаза потеряй нету, мала-мала лечи – снова хорошо смотри… Твоя умный? Тогда повязка снимай нету!

Сан Саныч угомонился, поворочался немного, устраиваясь удобнее... Судя по ощущениям, постель представляла собой мешок из грубой ткани, наполненный чем-то мягким, но очень шуршливым – вроде скомканной бумаги. Импровизированный матрас лежал прямо на полу, тянуло лёгким сквознячком. Впрочем, это было весьма кстати: вокруг цари-

ла одуряющая, тропическая жара; обоняние периодически тревожили густые незнакомые ароматы.

Будучи человеком служивым, Сан Саныч привык получать ответы на свои вопросы. Старик (Гаргулов судил о возрасте собеседника по голосу) куда-то ушел, по крайней мере, на его зов никто не откликнулся. «Ладно, подобьём бабки» – размышлял капитан. «Слезли мы с этого чёртова поезда незнамо где. Место – никогда про такие не слыхал... Но главное, где это я ухитрился обжечься, да ещё и глаза спалить?!». Он помнил встречу с самоходной телегой, водителя, невесть зачем расстрелявшего странных птиц … Стоп! Вот она, нелепая деталь, которую поначалу не мог осознать разум. Голову каждой твари венчало приспособление из тонких стальных спиц, прижимающее к глазам тёмные стёкла в оправе – ни дать ни взять, противосолнечные очки, специально сконструированные для этих пернатых. И стрелок, чьё облачение защищает тело от макушки до пят, несмотря на жару – ни клочка голой кожи… И реплика старика, «твоя отдыхай пока – день есть». Что он хотел сказать? Отдыхай, пока день; так, что ли? Здесь принято отдыхать днём?».

Гаргулов глубоко вздохнул. Логика – штука мощная, с ней не поспоришь, но слишком уж невероятным был напрашивающийся ответ. Если начальные предпосылки верны, то в этом… Месте (где бы оно не находилось), солнце чрезвычайно активно, открытые участки кожи обгорают до волдырей меньше чем за минуту… Капитан резко сел. Дурко! Прокля-

тый оболтус, сгорит же! То есть – уже сгорел… Наверное. А может, и нет. Дуракам, как известно, везёт…

– Эй! Послушай…

– Твоя много говори не надо! Солнце скоро садись, мала-мала пей, мала-мала кушай – Кван приходи есть.

– Какое там «кушай» – я же не вижу ничего! – недовольно буркнул Сан Саныч.

– Моя твоя помогай! – собеседник мелко рассмеялся, и Гаргулов почувствовал, как в руку ему тычется миска.

Пахнуло варёной рыбой. В посудине оказалась уха – густая и фантастически вкусная, но запивать трапезу пришлось горьким травяным настоем.

– Твоя пей надо, плевать плохо, однако! – уговаривал невидимый компаньон. – Твоя мала-мала пей, мала-мала лечи! Хорошо пей – хорошо лечи, потом болей нету!

– Ну ладно, раз лекарство… – сдался Сан Саныч.

Старик удалился. Потянулось томительное ожидание. Гаргулов успел придумать и отвергнуть не меньше десятка самых невероятных версий произошедшего. По возвращении старик позволил, наконец, снять повязку. Капитан осторожно приоткрыл веки.

– Твоя смотреть больно?

– Н-нет…

Собеседнику капитана можно было дать и шестьдесят лет, и все восемьдесят – похожая на луковицу голова с редкими седыми волосами и большими оттопыренными ушами, хит-

рые азиатские глазки…

– Моя мазь принеси есть! Твоя мала-мала мажь, рожа болей нету!

– Стало быть, всё из-за солнца здешнего? – Гаргулов осторожно дотронулся до лица. – Ожоги эти…

Хозяин с готовностью закивал.

– Злой солнце, однако; шибко злой… День работа ходи нету, люди мала-мала спи, мала-мала дома дела делай, женка кровать валяй... Солнце с неба уйди – люди работа ходи, улица гуляй есть…

– Понятно… Забавная у вас тут житуха! – капитан с любопытством озирался по сторонам.

Дом, в котором он очутился, скорей заслуживал названия барака: дощатые стены, земляной пол, утоптанный до каменной твёрдости… Единственное окошко закрывала рама, обтянутая грубой, выцветшей до белизны холстиной. В углу покоился штабель огромных, туго набитых джутовых мешков, такой же мешок служил капитану матрасом. Кроме перечисленного, в жилище находился стол – явно самодельный, судя по всему, служивший уже не первому поколению хозяев, и пара плетёных стульев.

– Как я здесь оказался? – спросил Гаргулов. Хозяин осклабился. Передние зубы у него были длинные, словно у грызуна.

– Твоя, вообще, понимай, что моя спрашивай?

– Понимай! Твоя сюда Кван принеси! Кван ворона застре-

ли есть, твоя мала-мала задень…

– Ворону, говоришь… – с сомнением протянул капитан. – Хороши у вас тут вороны…

– Люди ночь гуляй – Кван спи, люди день спи – Кван работай! – просветил его старик относительно распорядка неведомого Квана. – Кван кора суши, шибко солнце надо!

По поводу коры Сан Саныч не понял. Впрочем, это не сильно его интересовало.

– Расскажи-ка мне о здешней железной дороге...

Хозяин снова улыбнулся, показав резцы.

– Моя твоя понимай нету! Кван приходи, он глаголик хорошо говори… Моя понимай мала-мала.

– Ну хорошо, дождёмся твоего Квана… Тебя-то как звать-величать? Твоя имя есть? – прибавил капитан, подстраиваясь под говор хозяина.

– Моя Уквылькот! – заулыбался человечек. – Моя с Великой Чукотки давно приходи, много лет живи здесь…

– Гаргулов… Сан Саныч; знакомы будем, значит…

– Цан-Цан! Цан-Цан! – радостно подтвердил хозяин.

Капитан усмехнулся.

– Ну, ты меня прям в китайцы записал…

Потихоньку вечерело. У входа вдруг послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и в хижину ворвался давешний стрелок.

– Уквылькот, тревога! – хрипло выдохнул он, едва отдышавшись. – В нашу сторону движутся герцоговы патрули, я

срезал путь и немного обогнал их… Давай быстрее!

Пришедший откинул вуаль. Лицо его оказалось неожиданно интеллигентным, с тонкими чертами и аккуратно подстриженной бородкой; оно скорей подошло бы учителю или инженеру, чем сомнительной личности с оружием. Взгляд его переместился на Гаргулова.

– Как ваши глаза?

– Да вроде нормально… Э-э, послушай…

– Я Кван, это я прикончил герцоговых птичек и принёс вас сюда, – нервно перебил человек. – А сейчас мы должны скрыться, и как можно скорее. Повсюду вороньи патрули, обыски, аресты, хватают кого ни попадя… Вас, как новичка, точно возьмут в оборот!

Сан Саныч задумчиво наморщил лоб. Он понимал, что находится здесь в роли иностранца, да ещё, судя по всему – иностранца нежелательного; но как вести себя в такой ситуации, капитан представлял плохо. Вдобавок, это *он* всю свою жизнь ловил кого-то, а не наоборот…

– Ты… Кван, или как тебя… Ты не гони, ладно? Поясни-ка, кто ты есть, чего случилось и вобще…

Кван схватился за голову.

– Некогда объяснять! Не сейчас! Поверьте мне на слово, прошу... Вам надо скрыться!

– Так… Я ж вроде не сделал ничего… – пожал плечами Гаргулов.

– Цан-Цан, твоя на кактус плохо сиди! – вмешался

Уквылькот. – Кактус иголка шибко длинный, жопа долго болеть есть!

– По нынешним временам такое весьма вероятно! – нервно усмехнулся Кван. – Уж поверьте, традиционное местное наказание – удовольствие ниже среднего...

Уквылькот меж тем развил бурную деятельность. Хилый на вид старичок шутя раскидал джутовые мешки. Под ними обнаружился тайник – прикрытая досками яма. Вскоре на свет появились здоровенные брезентовые баулы и ворох тряпья. Кван перебросил его Гаргулову.

– Одевайте, только скорей! Уквылькот, ящик с литерами не забудь…

– Зачем? – робко удивился старик. – Моя земля закидай – никто найди нету…

– Боюсь, мы исчезаем надолго, старина! – вздохнул Кван. – Типографию я не оставлю…

«Костюм пчеловода-ниндзя», как окрестил про себя Гаргулов странное одеяние, оказался довольно удобной штукой. Широкие свободные порты, курка наподобие дзюдоистского кимоно и шляпа, с полей которой свешивалась густая тёмно-серая кисея, пришлись почти впору. Матерчатые перчатки довершили наряд, свою одежду капитан упрятал в один из баулов. Подгоняемые Кваном, они торопливо покинули хижину. Тут Сан Саныч убедился, что плеск ему не почудился: барак стоял на берегу канала – от воды его отделяла узкая полоса илистого берега. Через грязь была переброшена дос-

ка; среди кувшинок и тростника покачивалась изящная лодка. Так бы, наверное, выглядела гондола, построенная китайским мастером – нос и корма плавсредства задирались вверх, а посередине находился полотняный навес, натянутый на крутобокие бамбуковые дуги. Гаргулов, морщась от боли в подвёрнутой ноге, дохромал до лодки и устроился на хлипкой банке, с любопытством озираясь по сторонам. Уквылькот пробрался на корму и засветил фонарь. Кван взялся за вёсла.

– Может, напрасно зажег? – осведомился Сан Саныч. – Этак нас издалека видно…

– Твоя, Цан-Цан, голова думай! Фонарь нету – полицай лови, деньга отбирай! – откликнулся старичок.

– Это верно. Согласно законам Аристопала, кормовой огонь должен гореть на каждой лодке, – подтвердил Кван. – В черте города нас может остановить водная полиция. А вот когда в дельту уходить будем, там другое дело: лучше тишком да молчком…

– Та-ак… – вкрадчиво протянул Гаргулов. – Почему бы вам, ребятки, не объяснить мне ситуацию, а? Всякие мелочи, вроде того – что это за место, кто вы такие, куда мы плывём и вообще… А?

Некоторое время в лодке царило молчание.

– Можно и объяснить, – сказал, наконец, Кван. – Вопрос только в том, с чего начать. Вы ведь нездешний, верно?

– Эт'точно…

– Чужаки у нас – дело обычное. Некоторые и на людей-то не слишком похожи... Общее у всех одно: поначалу они не боятся нашего солнца.

– Это ваше «здесь» – это где? Как хоть эта… Страна называется-то?

– Страна? – слегка удивился Кван. – Это город, страны – удел иных реальностей… Вы сейчас находитесь в славном Аристопале, что под дланью Господина Высокое Небо. Был под его дланью, по крайней мере. До недавнего времени.

– Аристопал, значит… А живут здесь аристопальцы и аристопалки… Постой, ты сказал – до недавнего времени? А что случилось-то?

– Альбэр Фигассэ случиться есть! – вмешался Уквылькот. – Воронья герцог!

Сан Саныч ухмыльнулся.

– Фигасе?

– Альбэр Фигассэ! – выговаривая имя герцога, Кван налегал на «э». – Поверьте, весёлого тут мало… Он нездешний, как и вы, явился в Аристопал года три назад… И весьма преуспел за это время. Каким-то образом ему удалось втереться в доверие, гм… К самому Господину Высокое Небо. Есть такие люди, они умеют становиться полезными, а иногда и незаменимыми… Думаю, Господин Высокое Небо воспринимал герцога и его компанию как некую забавную диковину… Да, вы же не местный… Фигассэ привёл с собой стаю невиданных птиц – огромных, выше человека. Они не

умели летать, но очень быстро бегали и могли разговаривать – правда, как утверждал сам Альбэр, всего лишь воспроизводили человеческую речь, не понимая смысла сказанного. Много позже мы узнали правду… Повадкой и цветом эти твари смахивали на ворон – за что Фигассэ и получил своё прозвище.

– То есть у вас здесь и *настоящие* вороны живут? – поинтересовался Гаргулов. – Слушай, а они-то как выживают под этим солнцем?

– О, настоящие вороны – пожалуй, единственные из пернатых, ведущие дневной образ жизни! Они достаточно умны, чтобы не покидать тень, и прекрасно освоились под кронами гуардо… Но птички Фигассэ оказались ещё более приспособленными к нашему климату. Плотное оперение и ороговевшая кожа на длинных лапах позволяли им передвигаться днём, не опасаясь испепеляющих солнечных лучей. Единственное уязвимое место этих созданий, глаза, Альбэр защитил специальными приспособлениями. Можете себе представить, какой фурор произвело его появление на улицах Аристопала – повозка, запряженная здоровенными голенастыми тварями, перекликавшимися меж собой на странном наречии…

Гаргулов хмыкнул, вспомнив собственную встречу с огромными птицами.

– С этого дня в городе появился птичий цирк. Люди охотно платили деньги, чтобы поглазеть на этакую диковину, а

когда выяснилось, что питомцы Фигассэ способны выполнять команды своего патрона и даже внятно разговаривать… Словом, вскоре не осталось ни одного уважающего себя горожанина, не побывавшего на таком представлении. Спустя и пару лет Фигассэ изрядно разбогател и обрёл известность, и вот однажды перед ним отворились ворота Термитника…

– Какие ворота?

– Термитник большой, как гора, шибко большой, каменный! Там Господина Высокое Небо живи! – пояснил Уквылькот.

– Наш правитель пожелал лицезреть Альбэра и его птиц. Говорят, после представления Фигассэ полночи о чём-то беседовал с Господином Высокое Небо… И вскоре жизнь славного Аристопала круто изменилась.

Узкое, пахнущее тиной русло осталось позади. Пройдя под каменной аркой, лодка вышла на открытое пространство. Сан Саныч с изумлением разглядывал открывшийся взору пейзаж. До этого мига все чувства его словно пребывали в дрёме – железнодорожное путешествие и последующие события воспринимались как некий сумбурный сон, который вот-вот закончится – так что и волноваться не о чем… Но лиловая гладь разлившейся в низинах реки, усеянная мелкими островками, изящные лодки, фонарики, отбрасывающие на воду разноцветные зигзаги отблесков, купы высоченных деревьев с могучими, густыми кронами по берегам – всё это было реальностью; невозможной, невероят-

ной – и тем не менее… Лёгчайшие дуновения ветра разносили непривычные, возбуждающие ароматы. Гаргулов крепко зажмурился, и обожженная кожа век тут же пренеприятно напомнила о себе. «Да, старина, тут всё настоящее, хочешь ты того или нет!».

– До сей поры Господин Высокое Небо редко вмешивался в жизнь обитателей города, – продолжил свой рассказ Кван. – У него свои дела и свои заботы, недоступные нам, простым быдлянам.

– Этот ваш Господин Высокое Небо, он что – главный здесь? – уточнил Сан Саныч.

– Конечно! Он – создатель Аристопала, один из величайших эгоистов нашего мира!

– Это у вас что, достоинство, что ли – быть эгоистом?

– А вы как думаете?! – Кван недоуменно пожал плечами. – «Эго», энергия личности Господина Высокое Небо, столь велика, что способна преобразовывать материю… Он следит за погодой и речными разливами, иногда, если надо, контролирует городскую жизнь…

– Господина Высокое Небо всё про всех помни! – подтвердил Уквылькот. – Каждого адрес знай, имя знай…

– Гм… Сколько ж здесь народу?

– Около миллиона! – серьёзно ответил Кван. – Обычному человеку трудно даже представить такое, верно? И тем не менее, это правда. В некотором роде, наш правитель и есть Аристопал: например, когда у него депрессия, в городе рас-

тёт число самоубийств.

– А когда Господина Высокое Небо радуйся, люди на улицы выходи, праздник делай!

– Ну, это прям бог какой-то получается! – недоверчиво хмыкнул Гаргулов. – Ври, да не завирайся!

– В общем-то, так и есть, – серьёзно ответил Кван. – Я понимаю, чужаку осознать всё это непросто… Кстати, имейте в виду: люди, которые ищут недостатки в Господине Высокое Небо, очень быстро умирают – от болезней и неудач. Можете смеяться, но лучше поверьте, это факт.

– А если его имя постоянно талдычить, это принесёт счастье и богатство! –ухмыльнулся капитан, кое-что припомнив: некогда по долгу службы довелось Сан Санычу гонять кришнаитов.

– Да, верно… – Кван, похоже, не заметил Гаргуловской иронии. – Кроме того, это снижает риск онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Я вижу, вы начинаете понимать! Но я отвлёкся. Альбэр предложил Господину Высокое Небо услуги – свои и своих питомцев. Надо сказать, он не держал птиц взаперти: те гуляли по городу, где и когда хотели – а ещё смотрели, слушали и запоминали. Горожане привыкли к ним, считая безобидными и забавными животными, не более того…

– Они жестоко ошибайся! – поднял палец Уквылькот.

– Верно… Вороны Фигассэ обладают феноменальной памятью и способны воспроизвести любой подслушанный раз-

говор. Скорость их бега достаточна, чтобы настигнуть мчащийся во весь опор паромобиль, а крепкие клювы и молниеносная реакция практически не оставляют противнику шансов на победу… Они стали идеальной тайной полицией… Идеальной ещё и потому, что без колебаний выполняли приказы своего патрона – а договориться с ними никто, кроме Фигассэ, не умел. До той поры борьба с преступностью была в ведении гильдии полицейских. Раз в полгода её глава отчитывался перед городским советом, а Господин Высокое Небо и вовсе не интересовался такими мелочами… Не могу не признать – Фигассэ действовал гораздо более эффективно. Закон в здешних краях суров, но смертная казнь применяется редко. Чаще всего преступника ждёт посажение на кактус – процедура весьма болезненная, но не смертельная… А если проступок серьёзен, то изгнание из города. После этого ему приходится тратить все силы на выживание, ведь наше солнце гарантированно убивает незащищенного человека в течение пяти минут… Но питомцы Фигассэ имели своё представление о правосудии. Птички, знаете ли, не утруждали себя соблюдением юридических процедур. Никому и в голову не могло прийти, на что способны эти забавные, нелепые с виду создания…

– А что они могут, кстати?

– В считанные мгновения разорвать свою жертву на кусочки! Да-да, прямо на улице, на глазах изумлённых прохожих – именно так это и происходило… Я не зря упомянул велико-

лепную память этих созданий. Они изучили здесь всё: каждую улицу, каждый проулок… И, как теперь можно предположить – знали боссов преступного мира в лицо. С крупными «семьями» было покончено в течение суток. «Люди-собаки», «люди-росомахи», «люди-леопарды» не успели ни договориться меж собой, ни оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления воронам: те устроили настоящую бойню…

– А ну, тормозни. С этого места подробнее: что ещё за «люди-собаки», «люди-росомахи»?

– Так называются… Назывались преступные кланы Аристопала. Это традиция, уходящая корнями в глубокую древность… У каждой «семьи» свои обычаи и ритуалы, свой способ вести дела и наказывать неугодных, даже собственные резиденции. Перечисленные мной – самые крупные и опасные, на них держится… То есть держалась б*о*льшая доля теневого бизнеса. Есть ещё с десяток мелких «семейств»; у тех, как правило, узкая специализация: «люди-крысы», например, занимаются только домушничеством.

– Что-то не сходится! – покачал головой Сан Саныч. – Ты же сам, на моих глазах, уложил парочку этих… Ворон! А ведь там наверняка были профи…

– В Аристопале практически нет огнестрельного оружия, – вздохнул Кван. – Господин Высокое Небо запретил, а его запрет исполняется всеми без исключения, причём неукоснительно… Мой револьвер приобретён уже после исчезновения правителя, и знайте – я не задумываясь выкину его в ре-

ку, если только Господин Высокое Небо вернётся в город… Преступники у нас отдают предпочтение удавкам, стилетам и боевым посохам, от них никакого шума… Но в случае с герцоговыми воронами всё их оружие оказалось неэффективным. Я уже упоминал о реакции птиц, она в разы превосходит человеческую...

– Ворона один день мала-мала есть, другой день шибко много есть!

– Да… Птицы в одну ночь заполонили Аристопал; вдруг оказалось, что в городе их многие сотни! Совершенно непонятно, откуда взялось столько этих тварей...

– Я только одного не понял: эти, как ты их называешь, вороны – они что, и впрямь разумны? – Гаргулов осторожно погладил щёку.

Обожженная кожа саднила всё сильнее – но трогать её не стоило: зуд от этого многократно усиливался.

– Их сложно судить по людским меркам… – задумчиво откликнулся Кван. – Это другой разум. Совсем другой. Линейный, примитивный, неспособный оперировать отвлечёнными понятиями… Наверное. В том и проблема: они достаточно умны, чтобы выполнить приказ, и недостаточно гибки для того, чтобы ослушаться или прельститься подкупом… Плюс к тому звериная хитрость и весь набор инстинктов хищника: не помню, говорил я или нет – птички Фигассэ плотоядны.

Кван замолчал. Гаргулов некоторое время переваривал

услышанное. Навстречу то и дело попадались рыбачьи лодки, на корме у каждой горел фонарь.

– Полицию не то чтобы упразднили… – вновь заговорил Кван. – Но столь впечатляющий успех полностью изменил баланс сил. Ради такого случая Господин Высокое Небо возродил титул герцога, бытовавший в древности, и пожаловал его Альбэру Фигассэ.

– Что ж, насколько я понял – герцог подавил оргпреступность в вашем городе. Пусть жестко, но тем не менее… А это неплохо, по-моему.

– Многие поначалу думали так же, – кивнул Кван. – Но вскоре выяснилось, что лекарство хуже болезни. Если вы внимательно меня слушали, то уловили один нюанс: слово Господина Высокое Небо является высшим законом Аристопала, но большинство спорных вопросов решается общебыдлянским судом в соответствии с городскими традициями. Так было до тех пор, покуда не явилась новая сила. После того, как Фигассэ обрёл свой титул, всё, что он делал, считалось получившим негласное одобрение Господина Высокое Небо. Но если наш повелитель крайне редко вмешивался в жизнь своих подданных, то вороний герцог счёл нужным контролировать буквально всё – к собственной выгоде, конечно же... Те, кто осмеливался выражать открытый протест, просто исчезали. Тогда-то и поползли зловещие слухи о связях Его Светлости с «людьми-пауками».

– А это ещё кто такие? Ты ж говорил, птички переклевали

все ваши ОПГ…

– «Люди-пауки» наполовину легенда… Самое таинственное и закрытое из преступных сообществ Аристопала. Говорят, у них нет постоянной резиденции, «человеком-пауком» может оказаться кто угодно – твой друг, сосед… У нас не любят затрагивать эту тему, своего рода культурное табу… «Люди-пауки» не занимаются ни грабежами, ни вымогательствами; их специализация – шпионаж и наёмные убийства. И тут они не знают себе равных!

– Гм… А куда смотрел этот ваш Господин Высокое Небо?

– Господина Высокое Небо своя дела есть, наша дела мала-мала смотри! – вздохнул Уквылькот.

– В точности так… Но самое худшее случилось недавно, в его отсутствие...

– Он уехал, что ли?

– Да, вероятно… Отбыл в одно из своих загадочных путешествий, – вздохнул Кван. – Куда и зачем – нам, быдлянам, неведомо. Так вот, Альбэр Фигассэ воспользовался его отлучкой и совершил немыслимое…

– Дворцовый переворот, готов поспорить… – прищурился Гаргулов. – А почему «немыслимое»? Наоборот – судя по тому, что ты рассказал, рано или поздно это должно было случиться…

– Вы всё же не осознаёте, кто такой Господин Высокое Небо и что он значит для любого аристопальца!

– Ну ладно, ладно, я в ваших местных делах не волоку…

Но Фигассэ-то должен всё понимать, верно?

– Да, это так, – мрачно подтвердил Кван.

– Следовательно, можно предположить, что он каким-то боком причастен к исчезновению вашего правителя, э? Или, по крайней мере, владеет информацией по этому поводу…

– Твоя умный, однако! – неожиданно сказал Уквылькот и тут же рассмеялся мелким, дребезжащим смехом.

Лодка всё дальше углублялась в лабиринт островков. Извилистые узкие протоки, густо заросшие камышом, походили одна на другую, словно две капли воды – и тем не менее, Кван уверенно прокладывал курс. Вскоре Гаргулов перестал что-либо различать: сумерки сгустились окончательно. На свет кормового огня слетались насекомые: некоторые были столь велики, что ламповое стекло тихонько звенело от их ударов. Над головой проносились быстрые крылатые силуэты. Сан Саныч решил было, что это ночные птицы – но тут одно из созданий мелькнуло возле самого фонаря.

– Ого, летучая мышь!

– У нас их много водится, – равнодушно откликнулся Кван. – А там, откуда вы пришли, это редкость?

– В наших широтах – да… Скажи-ка, а чем ты по жизни занимаешься?

– Подённой работой, – с некоторой горечью усмехнулся Кван. – Сейчас гуардо меняют кору, бумажная гильдия нанимает людей на сбор сырья… А вообще-то я главный редактор… Бывший. Вороньему герцогу, знаете ли, не понра-

вилась одна из статей в нашей газете – и её закрыли. Позвольте в свою очередь полюбопытствовать, кем вы были в своём мире?

Тут Сан Саныч слегка замялся: опасными новые знакомцы не выглядели – и всё же, судя по некоторым деталям, промышляли чем-то не вполне законным… А такая публика полицейских не жалует, откуда бы те ни были родом. Но врать ему не хотелось.

– У вас ведь есть своя полиция? Вот и я вроде как… Ловил всяких там… «Людей-барсеточников», «Людей-карманников»…

– О, так вы полицейский! – Кван, против ожиданий, явно обрадовался. – Это очень хорошо…

– Нам опытный люди шибко нужны, смелый тоже шибко нужны! Твоя полицай хорошо есть! – вновь поднял палец Уквылькот.

– Кому это – нам? – вскинул бровь Гаргулов.

Теперь уже замялся Кван.

– Гм, как бы сказать… Маленькой компании беженцев и пришлых, пытающихся выжить в этом суровом мире…

***

Джо прислонился к толстому шелушащемуся стволу и перевёл дух. Проклятый шериф и впрямь заслуживал этого прозвища: вцепился, словно бульдог, не желая оставить несчастного ковбоя в покое… К счастью, здесь было про-

странство для манёвра. «Ишь ты, сволочь… Заехали черт-те знает куда, а он всё не унимается… В военкомат меня – сейчас! Дедушкам портянки стирать, сральники зубной щеткой драить… Я Неуловимый Джо, понял? Тебе меня не взять!». Дурко ухмыльнулся. Глаза его слезились. Руки горели огнём, лицо тоже – должно быть, от быстрого бега. Температура небось страшенная, солнце – как гриль… Здесь, в густой до сумерек тени, ещё можно было терпеть жару. Меж плотных, с тарелку величиной листьев не проникало ни единого лучика. Странно, кстати: день, а на улицах никого нет. Проехавшая мимо телега с укутанными до бровей чудиками (сектанты какие-нибудь…) была единственным свидетельством жизни. Меж тем, стоило приглядеться – и плотные заросли незнакомой растительности оказывались на поверку зелёными изгородями или живыми шпалерами, скрывающими за собой домики, чистенькие и опрятные. Вот только все окна были забраны глухими ставнями – и это в такую-то духоту и жарищу!

«Может, у них тут эпидемия какая?» – на мгновение Джо почувствовал себя неуютно. «Да не, вряд ли! Слишком всё ухожено…». Он отлепился от ствола. Под ногами тут же громко зашуршало. Земля вокруг была усеяна отставшей корой – тонкой, словно бумага, свернувшейся в лёгкие рыжеватые трубочки. Вообще, странное дерево: толстенный ствол под лохмотьями сухой коры гладкий, нежно-салатного цвета. А листья? Точь-в-точь, как у кувшинок: кожистые, глян-

цевые, круглые, на толстых черешках; только раза в четыре больше. Похоже, их тут специально сажали, вдоль дороги: могучие кроны образовывали непроницаемый зелёный тоннель. Это было непривычно – и очень красиво.

– А чё, в самом деле… Хорошо тут! – тихонько буркнул Джо себе под нос, озираясь. – Снега нет, мошки нет, на призывной пункт никто не тащит… Курорт, блин!

От дальнейших размышлений на эту тему его оторвал негромкий скрип – в царящей вокруг тишине он прозвучал особенно явственно. Ставня, закрывающая окошко ближайшего дома, слегка приоткрылась. Из образовавшейся щели быстро вылезла тощая ловкая фигура, с ног до головы закутанная в выцветшее тряпьё. Держась одной рукой за подоконник, «ниндзя» осторожно вытянул мешок – явно не пустой. «Домушник» – понял Джо, и, не подумав о возможных последствиях, рявкнул:

– Стоять! Полиция! Спустил штаны, нагнулся!

Воришка тихонько взвизгнул от ужаса и едва не уронил свою ношу. В мешке глухо брякнуло. Джо радостно заржал.

– Псих! Ненормальный! – яростно прошипела скрытая тряпьём фигура. – А если патрули поблизости?! Тебя ж со мной за компанию, урод… – тут домушник вгляделся в причину своего ужаса внимательней.

– Э-э-э… Да ты, похоже, пришлый?

– Ну, типа того… А ты вещи здесь тыришь, что ли? – глумливо осведомился Дурко. – Не боишься, средь бела дня-то?

– Здесь днём спят… – оказавшись в тени, незнакомец поднял вуаль. Был он черняв, с мелкими лисьими чертами лица и бегающими глазками.

– Новичок тут, а? У нас таких поджарками кличут… Ну, тебе свезло, похоже… Обгорел не сильно.

– В смысле?

Незнакомец расплылся в ухмылке.

– На ручки свои полюбуйся!

Джо глянул – и изумлённо задрал брови: кожа на тыльной стороне ладоней была ярко-малиновой.

– Ни хрен-на себе, извините за мой французский!

– И рожа у тебя, как спелый помидор, – «обрадовал» его собеседник. – К ночи от зуда на стенку полезешь… Тут главное – не трогать, как бы ни чесалось, перетерпеть…

– Так это от солнца, что ли?! – озадаченно спросил Дурко.

– Ну! Ты думал, это вот, – воришка коснулся шляпы – для красоты? Считай, с местным солнышком поздоровкался…

– Да… Я ж полминуты, может, всего…

– Хватает! – авторитетно заверил домушник. – Меня ещё не так попалило, до волдырей – следы до сих пор остались… – неожиданно он подмигнул Джо. – Я ведь тоже нездешний, понял? Ладно; ты, я вижу, парень не промах… Помоги-ка мне с барахлом, заодно потолкуем. Есть парочка нюансов, которые тебе, мой юный друг, стоит уяснить. Только вот что: тише воды, ниже травы, усёк? На улицах сейчас опасно…

– У меня такой одёжки, как у тебя, нет! – Джо озабоченно

потрогал лицо. Кожу начинало неприятно покалывать.

– Ничего, тенью почапаем… Главное, не греми ходулями, понял? И тявкало широко не раззевай…

– Дай хоть лопухом прикроюсь… – Джо подпрыгнул и дотянулся до ближайшей ветки, отломив сочно хрустнувший лист. Воришка яростно зашипел.

– С ума сошел! Это же гуардо!!!

– И чё? – непонимающе нахмурился Джо.

– А ничё, понял! За такое здесь на кактус сажают, гуардо ломать!

– Заливаешь! – недоверчиво протянул Джо. – Из-за одного листика…

– Ну-ну, полудурок! Попробуй ещё разок, на людях…За сломанную ветку будешь неделю колючки из задницы вытаскивать, а за срубленное дерево тут полагается изгнание...

Дурко перевёл взгляд с зажатого в кулаке листа на собеседника.

– Я серьёзно говорю, парень… Даже не сомневайся. Гуардо – священное дерево, понял? Они дают самую густую тень – а здесь это чертовски важно… Ладно, не стой столбом, подымай с той стороны…

Джо механически взялся за мешок. Ему как-то не пришло в голову, что новый знакомец легко и непринуждённо делает его соучастником кражи.

– Секи фишку: тень ещё полдела. Опавшую кору гуардо тут собирают и делают из неё бумагу, – объяснял по дороге

воришка. – Всяким неудачникам это на руку: дважды в год, в сезон линьки стволов, бумажная гильдия нанимает подёнщиков на сбор и обработку…

Последняя фраза прозвучала с лёгким презрением: похоже, домушник ставил себя много выше несчастных глупцов, вынужденных зарабатывать на жизнь честным трудом.

Джо и его новый знакомец углубились в зелёный тоннель. Гуардо защищали от ядовитых лучей местного солнца отменно; там, где их не было, стояли дощатые каркасы. Плотная, выгоревшая до снежной белизны парусина была натянута наподобие двускатной крыши.

– За порчу экранов наказание то же, что и за гуардо, – просветил Джо спутник, заметив его интерес. – Так что не вздумай...

– А где можно раздобыть одёжку, как у тебя? – поинтересовался Джо.

– В лавке, где ж ещё… Деньги у тебя есть?

Дурко пошарил по карманам.

– А если свистнуть?

– Ты мне нравишься, парень! – тихонько рассмеялся воришка. – Есть в тебе… А ну, стой!

Он замер в напряженной позе, к чему-то прислушиваясь. Джо последовал его примеру.

– Что…

– Тихо, сволочь!!!

Минута прошла в молчании. Наконец, спутник Джо ти-

хонько перевёл дух.

– Всё пучком. Это ветер, понял? Шевелит опавшую кору, хоть бы её скорей собрали всю…

– Ух ты, страус! – удивился Джо, глядя проулок. Там, подёргивая длинной шеей, вышагивала здоровенная голенастая птица. Дыхание домушника на миг прервалось.

– Так! – севшим голосом шепнул он. – Медленно и тихо линяем отсель… Очень медленно и очень тихо…

Воришка осторожно пятился , не спуская с птицы глаз. Ничего не понимающий Джо последовал за ним. Когда толстый ствол очередного гуардо скрыл от них странное создание, домушник перевёл дух.

– Ворона стояла на солнце, понял? – шепнул он. – А мы в тени, просекаешь? Эта тварь нас не разглядела...

По мнению Неуловимого Джо, птица куда больше напоминала страуса, чем ворону, о чём он и поведал своему спутнику. Тот досадливо затряс головой.

– Да прикрой, наконец, своё тявкало! И не шелести! Ох, вот невезение…

Последние слова явно не относились к Джо. Высунувшись из-за ствола, воришка напряженно пялился в конец аллеи – он даже приподнял вуаль. Среди пятен света и тени что-то двигалось. Домушник обернулся, весьма выразительным жестом зажал себе рот и чиркнул ребром ладони по горлу, после чего протянул руку, указывая на что-то. Джо непонимающе пожал плечами. Воришка тихонько зашипел от ярости

и вновь энергично ткнул пальцем. Тут Джо, наконец, увидел чёрный зев дренажной трубы, полускрытый вьющимися растениями. Пригибаясь, словно под пулями, компаньоны потащили свою ношу к укрытию и, согнувшись в три погибели, полезли внутрь.

– Чуть было не попались! – прошептал спутник, когда они достаточно углубились в тёмный зев.

– Ты что, страусов этих зассал?! – возмутился Джо.

– Не знаю, что ещё за страусы, парень… Эти птички – вороны проклятого герцога, и если хочешь жить долго и счастливо, лучше им не попадайся… Особенно днём, с мешком чужого барахла! – тут воришка нервно хихикнул.

– И надолго мы тут застряли?

– Почему же застряли, нычка эта мне знакомая… Сейчас будет поворот, а там и до выхода недалеко… Есть, правда, одна проблема…

– Какая?

– Ну, во-первых, в канализации обожают селиться змеи, – непринуждённо ответил домушник, вызвав крайнее замешательство своего спутника.

– А что, ядовитые у вас тут водятся? – опасливо спросил Джо.

– Ага, и преогромные… Они солнца тоже не любят, как мы... А во-вторых, труба выходит на освещённое пространство, там тени нет.

Где-то вдалеке замаячил свет. Ядовитых гадов Джо опа-

сался куда больше, чем солнца, но ожоги на руках и лице с каждой минутой заявляли о себе всё ощутимее. У самого выхода домушник вдруг ловким движением выдернул из рук напарника мешок и скользнул наружу. Джо сунулся было следом, но резко затормозил на границе освещённого пространства. Из-под плотной серой вуали, скрывающей лицо воришки, послышалось хихиканье.

– Извини, друг… Похоже, тебе придётся остаться тут. Спасибо, что помог с грузом...

– Э! Как тебя там!

– Не скучай, простачок!

Спустя миг воришки уже и след простыл. «Надо было дать ему по башке как следует и разжиться здешней одежонкой» – вяло размышлял Джо, пристраиваясь поудобнее. «А там, глядишь, что-нибудь придумал бы». От нечего делать он провёл ревизию своих карманов. Китайская пластмассовая зажигалка, полпачки курева, доставшийся по наследству от отца нож-выкидуха (настоящая «зоновская», с пружиной от будильника…), мятая десятирублёвка и мелочь… Да, негусто. Он несколько раз щелкнул клинком, наслаждаясь звучным «крак!», потом спрятал нож подальше. Кто их знает, местных шерифов: вдруг из-за такой малости здесь можно огрести проблем…

Убийственное местное солнце неторопливо перемещалось по небосклону. Пятно света подбиралось к ногам Неуловимого Джо; уже пару раз он отодвигался вглубь тру-

бы. Внезапно на бетонную стену легла уродливая тень. Джо вскинул глаза. У самого выхода под палящими лучами совершенно спокойно стояли те самые нелепые создания, напугавшие домушника. Сейчас, при ближайшем рассмотрении, на страусов они походили лишь в общих чертах. Каждая из птиц почти вдвое превосходила ростом человека. Длинные мускулистые ноги опирались на трёхпалую стопу, пальцы заканчивались толстыми когтями. Прижатые к туловищу крылья были короткими и широкими, словно кили сверхзвукового истребителя. Шею, более массивную, чем у страуса, венчала здоровенная приплюснутая башка; а мощный, широкий, загнутый книзу клюв напоминал орлиный – разве что куда больших размеров. Поганый воришка обозвал птичек «воронами герцога», но ничего вороньего в их облике не было – кроме, пожалуй, расцветки. Крылья и хвост отливали маслянистой синевой воронёного металла, пепельно-серые перья туловища и шеи постепенно переходили в такой же иссиня-черный на голове. К клюву птичек крепились странные приспособления из тонких стальных спиц и винтов; очевидно, единственным предназначением их было – плотно прижимать два тёмных стёклышка к глазам созданий. Эти очки окончательно добили беднягу Джо.

– Фига с-се! – не выдержал он.

Птицы комично переглянулись – и сунули головы внутрь. Потом произошло нечто, вовсе невероятное с точки зрения Джо: они заговорили.

– Он наз-вал ге-е-р-р… Цога! – сообщила одна птица другой. Речь твари была скрипучей, словно в глотке её открывалась и закрывалась старая рассохшаяся дверь, но вполне понятной. – Он сказа-ал Фига-ассэ!

– В Терр-митник! В Терр-митник! – прокаркала вторая.

– Он не-е-е экипир-рован! – сообщила первая.

– Поведём черр-рез тень!

– Черр-рез… Тень! – согласилась другая.

Придя к соглашению, оба создания присели, вытянули шеи вперёд и без видимых усилий пролезли в трубу. Тут Джо забеспокоился: пара мощных клювов надвигалась как-то уж слишком целеустремлённо.

– Э?! Вы чего?! Стоять, бояться! Кыш! – выпалил он, проворно отползая во тьму. Как и следовало ожидать, слова эти пропали впустую. Тогда Неуловимый Джо развернулся и припустил назад. В этот момент он не задумывался о змеях: опасность, исходящая от зловещей парочки за спиной, была куда более реальной. Парень старался вовсю, но звуки царапающих бетон когтей всё время звучали за его спиной. «Выберусь из трубы – и дёру!» – лихорадочно размышлял Джо. «Или лучше залезть на ближайшее дерево, там отсидеться… Летать-то эти страусы не умеют?». Он уже почти решился привести свой план в исполнение – но судьба распорядилась иначе. Прямо на выходе из тоннеля чудовищный клюв крепко прихватил его за брючный ремень.

Неуловимый Джо не зря слыл во Мгле первым городским

хулиганом: едва выпрямившись, он что было силы лягнул ногой назад. Полновесного удара не получилось: подмётка скользнула по гладким перьям. Тем не менее, птичка хрипло крякнула и выпустила добычу. Джо припустил со всех ног, но не успел он пробежать и нескольких метров, как пониже спины обрушился чудовищной силы удар. Юнца оторвало от земли и швырнуло вперёд – к счастью, прямо на большую кучу коры гуардо. Лёгкая рыжеватая масса немного амортизировала падение. В следующий миг над головой его разразился смех – громкий, скрипучий и явно издевательский. С трудом встав на четвереньки (ощущение было такое, будто в копчик забили раскалённый гвоздь), Дурко повернул голову. Смеялись мерзкие птички – эти твари, эти недострауусы; смеялись над *ним* – царём и повелителем природы! Рука Джо сама собой потянулась к ножу; но прежде, чем пальцы нащупали рукоять выкидухи, одно из *животных* небрежно пнуло его в бок. Движение герцоговой вороны было неуловимо-быстрым. По рёбрам словно вытянули со всей дури полицейской дубинкой. Боль моментально сожгла остатки кислорода в лёгких. Джо вновь рухнул на землю и скорчился. Птички зашлись сатанинским хохотом. «Интересно, они разумные, эти садюги? Если разумные – запинают… А если всё-таки неразумные – заклюют. Во попал…».

– Встал! – вполне членораздельно произнесла одна из ворон.

Новый пинок (к счастью, не такой сильный) заставил бед-

нягу подняться на ноги.

– Бего-ом… Арш! – скомандовала другая, и птицы вновь расхохотались.

Джо заскрежетал зубами от унижения: примерно так он и представлял себе ужасы армейской жизни…

Он трусил по улице, морщась от боли в рёбрах и кобчике. Направление

задавали птички: одна лёгкими стремительными скачками перемещалась спереди и чуть сбоку, другая контролировала Джо со спины. По-видимому, пернатые конвоиры чертовски хорошо знали дорогу: они всё время находились в тени, не пересекая границ освещённого пространства. В других обстоятельствах эта прогулка, пожалуй, доставила бы Дурко удовольствие: парень ни разу в своей жизни не был в больших городах, а уж от родной Мглы Аристопал отличался, словно взращенный в тропиках ананас от мелкой незрелой брусники… Густая малахитовая тень, расплавленный никель жгучих лучей, выгоревшая до снежной белизны ткань противосолнечных экранов и бледно-лимонный песчаник домов – вот, пожалуй, те краски, что преобладали в городской палитре. Он был возведён на пологих холмах; улицы вгрызались в склоны, прятались от смертоносного ультрафиолета за живым щитом гуардо, ныряли в тоннели и рукотворные гроты.

Сказать, что город утопал в зелени – значит, не сказать ничего: вокруг царило настоящее буйство флоры. Зелёные

волны шли на приступ стен, свешивались застывшими водопадами с плоских крыш и карнизов, клубились, словно пена океанского прибоя, пышными цветами на стенах живых изгородей. Большая часть растений была незнакомой: толстые лианы, раскидистые деревья, усыпанные крупными желтыми и красными плодами; высокий, с мягкими, как у пихты, иглами кустарник, распространяющий тонкие смолистые ароматы… Чаще всего встречались гуардо, а самыми узнаваемыми были кактусы. Вот уж кому местное солнце шло только во благо! Ощетинившиеся острыми иглами гиганты вымахивали на десятки метров; их менее рослые собратья поражали толщиной, раздуваясь до размеров хорошей бочки. Колючая мясистая плоть срасталась, образуя совершенно непроходимые заросли. Кактусы зачастую использовались в качестве живых оград: преодолеть такую стену, очевидно, не представлялось возможным. Людей на улицах было немного: большинство встречных «пчеловодов-ниндзя» занимались сбором осыпавшейся коры – сгребали её в кучи, набивали мешки и отвозили куда-то. Джо и его конвоиров провожали взгляды – любопытные, но не слишком долгие: чувствовалось, что подобное зрелище здесь отнюдь не редкость. Послышался дробный топот, и мимо промчалась ещё одна «страусо-ворона». На шее её висело нечто вроде небольшой плоской сумки или кошеля. Джо проводил птицу изумлённым взглядом: скорость у этого создания была, как у хорошего автомобиля! Все соображения относительно побега при-

шлось отложить до лучших времён: его нагнали бы в два счета и как следует отпинали. Огрести от конвоиров снова чертовски не хотелось…

Термитник возник неожиданно: улица сделала очередной поворот, и взору Джо открылась узкая, прямая как стрела аллея. Солнцезащитных экранов здесь не было: обжигающие лучи заливали пространство. Стеклянистые потоки горячего воздуха поднимались к небесам, искажая перспективу. Замок возносился над городом на высоту небоскрёба, угрюмый серый утёс прорастал наверху лесом тонких конических башенок. В этом сочетании лёгкости и массивности ощущалась странная, почти неуловимая дисгармония; окружающий ландшафт лишь подчёркивал её. Некая сила очертила вокруг Термитника идеально ровную окружность радиусом в километр, расчистила её – и засадила плотными рядами исполинских бочкообразных кактусов. Попасть к воротам можно было только одним способом – по аллее. У самой границы света и тени птицы остановились.

– Сидеть! – приказала тварь; пленник немного замешкался – и тут же получил сильный тычок под коленки.

– С-сучки! – прошипел Джо сквозь зубы; впрочем, птицы не обратили никакого внимания на эту реплику.

Одна из ворон помчалась по направлению к замку, с каждой секундой наращивая скорость. Из-под лап её взвихрился шлейф тонкой пыли. Другая принялась с важным видом прохаживаться вокруг пленника. Минут через пять полоска

пыли протянулась в обратном направлении: птица возвращалась, сжимая в клюве некий продолговатый предмет. Когда она приблизилась, Джо с некоторым удивлением опознал длинный зонтик.

– Бери. Рас-кррой! – приказала тварь, роняя его к ногам парня.

Зонт оказался на диво удобен – но именно как защита от солнца: в дождь его плотная мягкая ткань наверняка впитывала воду не хуже губки. После вынужденного кросса по жаре силы Неуловимого Джо были на исходе; к счастью, конвоиры больше не настаивали на том, чтобы он бежал.

Пересекающая кактусовое поле аллея упиралась в глубокий ров, причём дальний его берег был намного выше ближнего. Подъемный мост вёл в недра замка. Войдя внутрь, он очутился в узком полутёмном коридоре. Пахло жильём. Разгоряченное тело охватила восхитительная прохлада. Птицы заставили пленника подняться на пару этажей вверх – и лёгким пинком задали ему направление. Обернувшись, он обнаружил, что конвоиры остались у лестницы. Очевидно, их миссия на этом завершилась… Деваться всё равно было некуда: Дурко пригладил взъерошенные волосы, поморщился (обожженная кожа зудела всё сильнее) и двинул вперёд.

***

– Плохо работаем, вот что я хочу сказать. Плохо! Рано ещё ночевать на лаврах! Особенно это к вам относится, товарищ

лейтенант.

Майор Козели сурово уставился на подчинённого из-под клочкастых бровей. Костя Кролик вздохнул. Как это часто бывает в маленьких городках, райотдел полиции Мглы был своего рода паноптикумом: такое количество забавных индивидуумов редко увидишь в одном месте. Но даже в этой разношерстной компании Козели смотрелся весьма импозантно. Взять хотя бы фамилию: лейтенанта так и подмывало в очередном рапорте на имя начальника написать вместо одного два «л», превратив своего шефа в итальянца. Но увы, увы! Не было в роду майора чернявых и белозубых обитателей Апеннин – и вместо романтичного южного Козелли получилось… То, что получилось. Второй отличительной чертой майора было косоглазие. Умение выдержать шефов взгляд, сохраняя при этом каменную невозмутимость лица, Костик числил в ряду главных своих достоинств. Даже непрошибаемый Сан Саныч пожаловался ему как-то: «после пяти минут общения с майором у меня самого зенки разъезжаются». Вспомнив Гаргулова, Костя помрачнел. Черт его знает, что там позавчера произошло на Гнилой ветке; да только ни капитан, ни Дурко назад не воротились. В голову против воли лезли нехорошие мысли. Вспоминались жутковатые легенды, ходившие о полубыковском руднике.

– Ну так что вы молчите, как партизан на допросе? Скажите что-нибудь!

Костик смущенно кашлянул.

– И ведь не первый такой случай у нас! Далеко не первый! Иностранец этот, чёрт, как его…

– Илдерберри…

– Потом ещё… Нет, не вспомню сейчас. Ну да не в этом дело! Люди, понимаешь, пропадают – а мы и не чешемся!

– Ну как не чешемся, – вступил в разговор Михалыч, дежурный смены. – Того же ирландчика мало три дня по лесам искали…

– Так результат-то! – левый глаз Козели уставился на собеседника. – Результат-то – ноль! В общем, я вам скажу так: чтоб кровь из носу, а с этой историей разобраться, ясно?

– Так точно, товарищ майор…

– Это ещё не всё! – значительно поднял палец Козели. – Кроме того, займётесь розыском Антонины Дурко, народной нашей целительницы, двадцать девятого года рождения…

Костя схватился за голову.

– Опять Дурко!!! Да откуда они берутся-то!

– Дурко – это наше всё! – наставительно заметил Козели. – Мы без них никак…

– Матушка Авдотьи, – посмеиваясь в усы, объяснил Михалыч. – Добрый, помню, самогонец у ней выходил… Знахарила ещё – привораживаю, отвораживаю, створаживаю… Снимаю сглаз, вешаю на уши… А на старости лет совсем с глузду съехала. Эдак раз в год из дому уходит – и с концами; память, понимаешь, отшибёт напрочь – она и бомжует по помойкам…

– Дак, может, сама вернётся?

– Ты ж Дуньку знаешь – чуть что, сразу в крик. Да ещё с сынком её эта заморока…

«Значит, мне теперь по помойкам лазать» – мрачно подумал лейтенант. «Хорошенькая перспектива!».

– Константин Константиныч, задержись-ка на пару слов… – буркнул майор, когда летучка закончилась и сотрудники потянулись к выходу.

Костя аккуратно прикрыл дверь, посмотрел на шефа – и удивился: судя по всему, Козели находился в затруднении. Косоглазие майора сейчас превосходило все мыслимые пределы…

– Слушаю, Игнат Юрьич…

– Кость, ты вроде с Гаргуловым у нас в хороших отношениях?

– Не жалуюсь…

Козели снова замялся.

– Это самое… Человек-то всё ж новый, сторонний… Как он, по-твоему, может в состояние эффекта впасть?

– Аффекта, – машинально поправил Костя и призадумался. – Вы что же, считаете…

– А вот я не знаю, что мне думать! – Козели с досадой пристукнул кулаком по столу. – Посуди сам: последний раз ты его видел, когда он за Дурко ломанулся… Неуловимым этим самым… Тоже, кстати – мог бы проворней ногами шевелить!

Костя потупился: позавчера он и впрямь дал маху, не решившись лезть напрямки через болото, обойдя его стороной – так ведь минут восемь-десять всего потерял от силы… Да и Джо этот – не такая важная птица, чтобы вдвоём его ловить, тоже мне, уклонист-рецедивист…

– Дурко не объявлялся, Сан Саныч как в воду канул… Тут поневоле, знаешь, всякое в голову лезет… Гаргулов не тот человек, чтобы дать себя в обиду. Следовательно…

– Да ничего не следовательно! Что ж выходит: пришиб капитан дуралея этого со злости, в болото спихнул – а сам в бега подался, что ли?!

– На моей памяти люди ещё не такие глупости вытворяли… – покачал головой Козели. – Только сам посуди: не Гаргулов Дурко – значит, Дурко Гаргулова…

– Может, они в лесу заплутали! Или в шахту какую-нибудь провалились… – не очень уверенно возразил Костя. – Знаете ведь, что про старый рудник болтают…

– Слишком много на него списывают, в том и дело – прямо уже прорва какая-то получается… Вот ты мне эту шахту найди, да представь – тогда совсем другой расклад.

Первым делом Костя решил побывать ещё разок на Гнилой ветке. Сунув в планшет пару бутербродов и термос с горячим чаем, он направился к железной дороге. Погода нынче выдалась дождливая. Мелкая морось сеялась из низких туч, осенняя тайга глядела хмуро и неприветливо. Под ногами глухо скрежетал гравий. «Вот интересно – ветка давно

заброшена, а кустарник вдоль насыпи кто-то всё ж вырубает. Зачем? Финансы, что ли, осваивают? И рудник этот…». Костя задумался. Тащиться под дождём десять километров до конца рельс не хотелось совершенно, но майору подавай результат… Лейтенант поглядывал под ноги скорей ради проформы, чем надеясь увидеть какой-нибудь след – и был слегка удивлён, заприметив мятый клочок светло-голубой ткани. «Хм… Джинсовка, засаленная и довольно ветхая… Стоп, да это же воротник! Вырванный с мясом – вон какая бахрома… Ну-ка, ну-ка, во что там позавчера был одет Дурко?». Память тут же нарисовала картинку: Гаргулов, с матюками вылезающий из болотной жижи – и мелькающая среди кустов спина Неуловимого Джо. «Как пить дать – его! Сцапал, значит, Сан Саныч недоумка – а тот вырвался, оставив в полицейских когтях свой ворот… И удрал. Или?». Богатому Костиному воображению тут же представился капитан, с медвежьим рёвом разрывающий несчастного Дурко на кусочки и топящий их в болоте. Но нет, даже теоретически не получается: жухлая трава по краям насыпи нетронута, вниз никто не спускался. «Дурко, небось, дальше побёг. А Саныч следом – он ведь упёртый, зараза…». Костя достал бутерброд, задумчиво откусил от него – и едва не поперхнулся. Ощущение тяжелого, давящего взгляда возникло внезапно: лейтенант словно узрел собственную спину сквозь прорезь прицела. Промеж лопаток потёк гаденький холодок. Чувствуя себя большим, мягким и абсолютно беззащитным, Костик медленно обер-

нулся.

Насыпь была пустынна. В оба конца, насколько хватало глаз, тянулись ржавые рельсы. Вокруг темнела тайга. Ощущение враждебного взгляда никуда не делось, исчезло лишь направление – теперь он окружал лейтенанта со всех сторон. «Бесовщина какая-то…» – Костя с усилием проглотил откушенное; хлеб с сыром тяжелым комом опустились в желудок. «Верно говорят – поганое место эта Гнилая ветка, и рудник – поганое… Козели бы сюда сейчас…»

– Я казак али баба!!! – рявкнул вдруг лейтенант во всю силу лёгких, весьма кстати вспомнив гоголевского Тараса Бульбу.

– Аба… Аба… Аба… – пронеслось над болотами, постепенно слабея. Испуганная ворона сорвалась с дальнего дерева и понеслась прочь, во все корки честя нарушителя покоя на своём вороньем языке. Наваждение нехотя отступило.

– Вот то-то! – Костя круто повернулся на каблуках и решительно зашагал вперёд.

Дальнейшие поиски ничего не дали: отмахав две трети пути по трухлявым шпалам, лейтенант наткнулся на густые заросли пижмы и чернобыльника. Травы засохли, но так и не полегли: пройди здесь хоть зверь, хоть человек – среди ломких коричневых стеблей путь его отпечатался бы ясно. Пришлось повернуть назад. Тянущиеся вдоль ветки болота навевали нехорошие мысли. «Придётся организовывать мужиков; пройти тут всё, потыкать шестами… Скверная кар-

тина вырисовывается, с какой стороны не посмотри. Что ж ты, Сан Саныч! Позавчера ещё беседовали… Принесла тебя нелёгкая в наши края – гиблые здесь места-то, гиблые… Да ещё Дурко этот… Авдотья в райпрокуратуру «телегу» накатает, пятно на всё отделение…». Дойдя до того места, где обнаружился оторванный ворот Неуловимого Джо, лейтенант ещё раз тщательно обследовал насыпь. Следов на откосах не было, но ведь можно прыгнуть с разбегу, здесь невысоко… А у пацана хватило бы дури ломануться в тайгу через болото.

Обратно Костя возвращался хмурый. Возле станции он свернул на крытый рынок – тут можно было не только разжиться съестными припасами, но и услышать порой весьма интересные вещи. Лейтенанту повезло: тот, кого он рассчитывал застать, находился здесь. Потомственный охотник Леонид Евграфович Донских, в просторечии дядя Лёня, продавал зайчатину. Пяток освежеванных зверьков висел над прилавком ушами вниз. Согласно нерушимой традиции, на голове и кончиках лап шкурка была оставлена – дабы у недоверчивого покупателя не возникало и тени сомнения в видовой принадлежности тушек. Тут же находился пышный веник неких высушенных трав – их Лёня настойчиво рекомендовал всем своим покупателям в качестве приправы.

– А, Костик! – улыбнулся Леонид Евграфович, когда тень двухметрового лейтенанта упала на прилавок. – Как жизнь молодая?

– Здравствуй, дядь Лёнь. Жизнь, как всегда – неприятно

изумляет разнообразием…

Донских неопределённо хмыкнул.

– А ты, никак, зайчатинкой побаловаться решил? Это дело… Вишь, каких красавцев нынче торгую!

– Хороши красавцы… Дробь-то на зубах хрустеть не будет?

– Балда ты, – беззлобно откликнулся дядя Лёня. – Я с дробовухой по лесам не шарюсь, пора бы запомнить… Этих трёх в петлю взял, да парочку с винтаря кокнул. Всё в один день, заметь! Расплодилась их нынче тьма-тьмущая…Тебе которого?

– Не сегодня, дядя Лёнь, – вздохнул Костя. – Дело у меня к тебе.

– Случилось чего? – заломил бровь охотник.

Костя покосился на соседку Донских. Толстая краснолицая баба не смотрела на них и вроде бы даже занималась делом – отсчитывала сдачу покупательнице; но ухо её настолько явственно развернулось в сторону говоривших, что сделалось страшно – а ну как сейчас оторвётся? Лёня перехватил взгляд лейтенанта, чуть заметно усмехнулся.

– Маша! Манюнь! Пригляди тут, ладно? Я ненадолго… Вот ведь послал черт соседку, – продолжал он, заведя лейтенанта в подсобку. – Ни чихнуть, ни пёрнуть, прости господи – в тот же день по всей Мгле разнесёт, да с подробностями… Ну, чего у тебя?

– Да, понимаешь, пропал тут у нас кой-кто… На Гнилой

ветке.

Лёня Донских враз посуровел.

– Я вот чего подумал: там же болота кругом… Могли они где-то утопнуть?

– Разве что по пьяни, – покачал головой охотник. – Там от болот одно название, в сапогах пройди – уже ног не намочишь… Бухие были эти твои?

– Трезвые… Один уж точно трезвый. Ты мне объясни: чего за хрень такая со старой железкой?

– Плохое место, ветка эта, скверное… – мрачно обронил Лёня.

– Чем плохое-то?

– Не знаю! – охотник раздраженно мотнул головой. – Не знаю я, как сказать, чувствую просто. Туда без дела лучше не соваться, да и по делу тоже… Не стоит.

– А что ты мне про поезд старый говорил?

Взгляд Донских неожиданно стал тяжелым.

– Значит, так, Кость… Если ты меня официально спрашиваешь – почудилось спьяну, вот и весь сказ. Ещё не хватало, чтобы надо мной надсмехаться начали…

– Да… Дядь Лёнь! Ты что! Ты ж меня знаешь… – Костя клятвенно прижал руки к груди. – Исключительно неофициально всё.

– А ежли неофициально, так я тебе рассказывал уже… Видел я на заброшенной ветке поезд – старинный, с паровозом. Когда – толком не помню: с месяц назад, может… Ви-

дел мельком – вечером из тайги, из-за деревьев; туман ещё стоял над болотами…

– Он в сторону рудника шел – или в нашу?

– Ко Мгле, стало быть в нашу сторону… Слушай, Кость, у меня торговля стоит! – поморщился Лёня. – А Машка, небось, в сексоты уже записала… Не знаю я, что там за чертовщина такая – и знать не хочу. Не треба мне.

– Ладно, разберусь как-нибудь сам… – вздохнул Костя. – Спасибо, дядь Лёнь, пойду я. Мне ещё старуху Дурко, понимаешь, искать по окрестным помойкам…

– Бабу Тоню, что ль? Дак я её утресь видал! – хмыкнул в густые усы охотник.

– Ну?! Где?!

– За промтоварами, во дворе…

В указанном Лёней месте беспокойной старушки не оказалось, и на всякий случай лейтенант заглянул в магазин.

– Да, крутилась тут одна бомжеватая бабушка… Куда пошла – не знаю… Кролик, а Кролик! Зачем тебе старушки всякие, когда тут такая женщина пропадает? – Натаха, продавщица скобяного отдела, навалилась на прилавок впечатляющим бюстом, призывно заглядывая Косте в глаза и нахально демонстрируя всем желающим глубокую ложбинку меж двух пухлых холмов. Стажер – тощий, стриженый ёжиком юноша, отвернулся, пряча ухмылку и старательно протирая от пыли товар. Каково ему, бедолаге, приходится, мельком подумал Костя, этакий вулкан страсти всё время

под боком…

– Работа, Наташ, работа…

– Ох, Кролик, смотри, допрыгаешься… – пышные груди колыхнул вздох. – Окрутит меня еврейчик с лесопилки, будешь потом локти кусать… – коровьи глаза Натахи мечтательно закатились.

– Так ты точно не видела, куда она пошла? – на всякий случай спросил Костя уже из дверей.

– У винного посмотрите – подал голос стажер. – Она бутылки собирала, а там принимают…

«Парню плюс, тебе – минус… Лапоть!» – обругал себя Костя. «Мог бы и сам догадаться!». Бутылки в Мгле принимали с чёрного хода универмага, в обитой жестью двери проделали для этой цели маленькое окошко. Обычно компания страждущих личностей переминалась возле него с ноги на ногу, вяло позвякивая тарой и обмениваясь короткими и по преимуществу матерными репликами… Ещё не успев завернуть за угол, Костя услыхал чей-то страстный монолог с характерными кликушескими интонациями.

– Истинно, истинно моё слово – слушайте да запоминайте… Змия нет больше, но живы змеёныши его! Под личиной невинности скрывается нелюдь! Вьёт кольца, точит яд из клыков… Туман на город ползёт; непростой туман, ох, непростой ! Истинно!

– А! Товарищ винтиция! Наше вам с кисточкой! – развязно поприветствовал Костю один из зрителей, смутно знако-

мый – плюгавый мужичонка с сизой физиономией.

– Эвона, глянь: цирк у нас тута бесплатный…

– Отставить цирк! – строго нахмурился лейтенант.

Алкаши раздались в стороны, и Костиному взгляду предстала говорившая – классическая сумасшедшая бабка. Растрёпанные седые волосы, чёрная юбка до пят, из-под которой выглядывают серые, подшитые кожей валенки, ярко-зелёный китайский пуховик со следами яичного желтка на рукаве – результат посещения ближайшей помойки…

– Змия во жемчужну бутыль закупорили, бутыль в озере притопили; не выползти ему на свет божий… Змеёнышей евонных слуга верный спас, пригрел за пазухой да и утёк в дальние земли… Ан не ведает, что след его злыдни паукатые вытропили! – теперь безумная старуха обращалась непосредственно к лейтенанту.

– Вы будете Антонина Дурко, гражданка? – строго спросил Костя, хотя и сам уже знал ответ: характерный для этой семейки шалый взгляд, похоже, передавался по женской линии…

– Ась? Чего? – бабка сбилась и замолчала, озадаченно таращась на полицейских.

– Антонина Дурко – это вы?

– Ась? Антонина… – старуха глубоко задумалась. – Антонина… Дык это я.

– Так что ж вы тут делаете? Вас дома ждут… – Костя деликатно взял старуху под локоток и увлёк за собой.

– Двое ушло, а пришло трое; того не ведают, что и другие скоро явится – близко уже, близко… – вновь принялась вещать бабка.

Костик поддакивал, время от времени задавая ей направление. Уже возле самой двери Антонина вдруг остановилась, встряхнулась, тревожно поглядела на лейтенанта.

– Куды это ты меня ташшишь, милок?!

– Домой, куды ж ещё…

– Нетути у меня дома!

– Ну как же нет! Вот он, дом ваш, и дочка ваша, Авдотья, там. Дочка, помните? Дуня. Дуняша…

Повисло молчание: старуха переваривала информацию.

– Валенки у меня промокли – несчастным голосом сообщила Антонина. – Хорошие были валенки…

«Вольно ж тебе в валенках по лужам шляться, карга!».

– А вы поставьте около печки, они и высохнут… – Костя ласково улыбнулся, постучал – и тихонько подтолкнул старушенцию к открывшей двери Авдотье.

– Ах ты ж, кикимора ты болотная!!! Где тя леший носит?! – ни словом не поблагодарив лейтенанта, начала та склочным голосом.

Костя потихоньку ретировался.

***

Длинная изящная лодка, похожая одновременно на итальянскую гондолу и китайскую джонку, скользила по речной

глади. Уквылькот потушил фонарь. Звёзды, крупные и яркие, каких никогда не увидишь на севере, отражались в воде. Спустя короткое время Кван бросил весло.

– Похоже, я потерял направление…

– Ну, вот те здрасьте! – хмыкнул Гаргулов.

– Скоро Лунах взойти есть, мала-мала дорога пойми…

– Луна, что ли?

– Лунах! – поправил Уквылькот. – Моя правильно говори.

Где-то неподалёку плеснула хвостом крупная рыба.

– Аристопал – не такое уж плохое место, – вновь заговорил Кван. – Многие в конце концов находят здесь то, чего искали всю жизнь.

– Что, например?

– Стабильность, покой, достаток... В этих краях никогда не бывает голода. Земля под нашим жгучим солнцем родит так, как нигде больше; плодами своего сада можно питаться круглый год, можно прокормить семью...

– Люди хорошо живи, голод бывай нету! – подтвердил Уквылькот. – Твоя мала-мала привыкни – хорошо есть! Кван твоя помогай, Адара помогай…

– Что ещё за Адара?

– Адорабль, – лукаво усмехнулся Кван. – Наш мозговой центр, если угодно… Вы с ним скоро познакомитесь.

В тишине плеснула хвостом рыба. Капитан глубоко вздохнул. «Что я тут делаю? Найти Дурко, за шкирятник его – и прочь, прочь! Ишь, выдумали – плотоядные птицы, луна-

хи какие-то, солнце это убийственное… Да ещё и на кактус сажают! Не, ребят, чудесати всякие не по мне. Вернуться в Мглу и забыть всё, словно страшный сон! Хм… Только вот как вернуться-то?».

– Так ты говоришь, здесь много пришлого люду?

– Порядочно… А добрая половина местных уроженцев – потомки таковых в том или ином поколении. Аристопал иногда сравнивают с дном суповой кастрюли: всё, что не может удержаться в толще воды, оседает здесь. Впрочем, это сложная материя. Некоторые (таких меньшинство) попадают в город при содействии владеющих силой «эго», другие – по вине неких малоизученных флуктуаций реальности… Подозреваю, что и вы оказались здесь подобным образом.

– Не совсем… – задумчиво обронил Сан Саныч и погрузился в молчание.

Кван тактично воздерживался от вопросов.

– Лунах взойди есть! – обрадовал всех Уквылькот спустя некоторое время. Гаргулов поднял взгляд – и в который раз за сегодня потерял дар речи: то, что неторопливо поднималось над верхушками деревьев, уж точно не было знакомым (и таким уютным!) ночным светилом родной Земли…

С тёмных небес скалился в зловещей ухмылке каменный череп. Кольца исполинских кратеров образовывали глубокие ямы глазниц, горные цепи очерчивали треугольный провал носа. Трещины базальтовой коры складывались в линию челюстей…

– Это кто же так… Постарался? – севшим голосом вопросил Сан Саныч.

– Впечатляет, правда? – снисходительно откликнулся Кван. – Все новички поначалу глаз оторвать не могут… Потом привыкают, конечно. Это Лунах, Цан-Цан. Я мог бы долго рассказывать красивые легенды о создании мира, о великих мудрецах, сотворивших помощника-великана… О том, как их создание оказалось угрозой всему сущему, какими хитростями и ухищрениями удалось одолеть его… Так вот, в конце концов голову Лунаха мудрецы подвесили на одной из небесных сфер. Это фольклор, конечно… Однако чудесное и обыденное столь тесно переплелось в нашей жизни, что отличить легенду от истины порой совершенно невозможно. Таков уж Аристопал… Кстати, я сориентировался. Мы свернули чуть раньше необходимого, сейчас двинем немного вперёд и окажемся в нужной протоке…

Осторожно работая веслом, Кван вёл лодку меж высоких камышей. Сухие стебли негромко шуршали, огибая борта. Тёмные кроны деревьев то смыкались над головой, заслоняя яркие звёзды и кошмарный Лунах, то вновь расходились. Болотистая дельта реки состояла из сотен маленьких островков. Далеко не все из них стояли на одном месте: многие купы растительности чуть заметно перемещались, подгоняемые легчайшим ночным бризом…

– Да, они плавают, – кивнул Кван, отвечая на вопрос Гаргулова. – Это просто слой мхов, торфа и водорослей. На них

укореняются крупные растения – даже гуардо; правда, более низкорослая, болотная разновидность…

В неторопливом движении прошло полчаса. Но вот среди тьмы замаячил одинокий огонёк – масляный светильник, подвешенный прямо на дереве. Он скорее сгущал, чем разгонял ночную мглу за пределами крохотного освещённого пятачка.

– Адриадакис, это мы! – негромко окликнул Кван. – Привезли новичка… Кто-нибудь из наших уже появлялся?

– Как вы удачно! – прозвучал из темноты мелодичный женский голос. – Можете сделать ещё один рейс? Хорхе и Збышек бежали из города и прячутся в камышовых плавнях, я обещала послать за ними кого-нибудь… Кван, а что с типографией?

– Мы прихватили оборудование, – откликнулся Кван. – Но запас бумаги подошел к концу, я даже не знаю, что теперь делать…

– Развернуть печатный цех среди болот всё равно не получится, – грустно вздохнула темнота. – Переждём тяжелое время, а там подыщем в городе какую-нибудь площадку… Ладно, давайте сплаваем за ребятами, время всё обсудить у нас ещё будет!

С той стороны, откуда раздавался голос, послышался тихий всплеск: гибкий тёмный силуэт скользнул в воду.

– Цан-Цан, твоя отдыхай, мала-мала рожа лечи! – Уквылькот протянул Гаргулову полотняный мешочек.

Сан Саныч осторожно ступил на берег. Земля еле ощутимо колыхнулась под ногами – похоже, этот клочок суши тоже держался на плаву. Лодка тут же отчалила от островка. Гаргулов кое-как дохромал до дерева, уселся под фонарём и развязал тесёмки. Внутри оказалась баночка мази: прохладная, пахнущая мятой и незнакомыми травами лекарственная субстанция быстро сняла неприятные ощущения.

Неподалёку, на границе освещённого пространства, возвышалось бамбуковое сооружение, похожее на клетку без верха – или, скажем, на детский манеж. Спустя мгновение Сан Саныч понял, что это, собственно, и есть детский манеж, причем отнюдь не пустой. На груде мятых одеял восседал розовый пухлощёкий младенец. Дитё задумчиво грызло соску и рассматривало нежданного гостя большими тёмными глазами. Капитан улыбнулся и подмигнул.

– Привет! Тебя как звать-то?

Ребёнок явно заинтересовался новым человеком: он перекатил пустышку в угол рта и прижался розовым личиком к прутьям.

– Что, ушла мамка твоя? Не горюй, скоро вернётся… – странное дело: пристальный взгляд младенца не давал Гаргулову покоя; он казался капитану каким-то очень уж осмысленным и не по-детски ироничным.

– Скучаешь тут, поди? Хочешь, сказку расскажу? Э-э… – Сан Саныч честно попытался припомнить хоть одну: что-то ведь было про царевну-лягушку… Или это, «мимо острову

Буяну, к славному царю Салтану…» – как же там дальше-то? В голову лезли дурацкие обрывки детских стишков.

– Э-э… Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу…

Младенец смачно выплюнул соску.

– С корнем выдрали язык, наступили на кадык… – издевательским тоном продолжило дитё.

Гаргулов выпучил глаза.

– Пообкусывали пальцы! Раздавили ему яйца! Ножичком глаза проткнули! Штопор в уши завернули! – младенец разошелся, он достал откуда-то погремушку и дубасил ею бамбуковые жерди барьерчика в такт стихам.

– Попу кипятком облили! По кишкам кувалдой били! Ноги поломали дверью… Больше нет ментам доверья!

И тут нервы капитана не выдержали: то ли контузия сказалась, то ли подспудное напряжение последних часов, а верней всего – и то, и другое вместе. Сан Саныч Гаргулов, прожженный оперативник, прошедший огонь, воду и лихие девяностые, самым позорным образом потерял сознание – второй раз за эти сутки.

...Раздвинем толстые, упругие, цвета йода ветви, украшенные бахромой нежных отростков; скользнём в хитросплетения пузырчатых, кожистых, изумрудно-зелёных лент. Раздвинем и их. Отсюда, с невысокого обрыва, открывается превосходный вид: белые, розоватые и красные кораллы сплетаются в чудесной гармонии, рождая высокие стрельчатые арки, мощные контрфорсы и витые колонны.

Шпили и купола играют жемчужными переливами – они покрыты перламутром; он не меркнет и не тускнеет. Стайки разноцветных рыбёшек денно и нощно вьются над этим великолепием, наводя чистоту, не давая зарастать водорослями роскошному ансамблю.

Это Донный Замок, сердце Джеппы. Окна его – словно живое серебро: внутри здания воздух. В этом замок сродни жилищу паука-серебрянки; но отнюдь не паутина удерживает живительный газ на глубине в несколько десятков метров, а воля Господина Хрустальное Озеро. Подобно раковине, скрывающей мягкое тело моллюска, замок является его частью, зримым продолжением «эго». Но и сам он является частью замка, этого сложного, хитроумного организма, конгломерата живой материи и солей кальция...

***

Неуловимый Джо толкнул дверь и с некоторой опаской заглянул внутрь. Взгляду его открылся большой зал – почти пустой, если не считать толстых колонн, поддерживающих потолок, и письменного стола в центре помещения. Между стенами и потолком оставался довольно большой, почти полуметровый зазор. Оттуда проникал неяркий свет. Пол устилали соломенные циновки. За столом сидел мужчина в широкополой шляпе с откинутой вуалью и что-то писал, не обращая никакого внимания на вошедшего. В тишине слышалось негромкое поскрипывание пера. Джо растерянно сде-

лал несколько шагов по направлению к нему – и тут из-за колонны совершенно бесшумно выступил ещё один человек. Этот тип прямо-таки излучал угрозу: не столько лицом (оно как раз было на редкость невыразительно), сколько звериной пластикой движений и перекатывающейся под одеждой мускулатурой. Не успел юнец понять, что происходит, как содержимое его карманов было изъято и перекочевало на стол, после чего жуткий тип всё так же бесшумно отступил на пару шагов и застыл, скрестив руки на широченной груди. Джо хотел было высказать своё возмущение – но встретившись глазами с мускулистым, прикусил язык. Что там обыск; этот мужик способен в два счета свернуть ему шею! С такой же лёгкостью он прихлопнул бы муху…

Сидящий за столом, наконец, оторвался от своей писанины, поднял голову и улыбнулся. У него было породистое, хотя и несколько лошадиное лицо, обрамлённое прямыми светлыми волосами. На кончике носа сидели круглые очки, в уголке рта расплывалось чернильное пятно – должно быть, он имел привычку в задумчивости покусывать кончик пера.

– Чертахи передали, ты хочешь меня видеть, юноша. Итак?

– Чертахи? Какие чертахи? – не понял Джо.

– Птицы, – терпеливо пояснил собеседник. – В Аристопале их называют герцоговыми воронами, что с орнитологической точки зрения совершенно неправильно, хотя в определённой мере лестно для меня… Но ты не местный, конечно:

здесь даже самый последний дурачок не решится выйти на открытое солнце… Кто ты и откуда?

Джо задумался: объяснить произошедшее было не так-то просто – даже себе самому.

– Впрочем, «откуда» не столь существенно, – собеседник уловил колебания молодого человека. – Для меня куда важнее, что ты из себя представляешь – и что умеешь делать.

Мозги Дурко очередной раз переклинило. Костя Кролик как-то раз поделился с Гаргуловым теорией, согласно которой многочисленным отпрыскам Илдерберри не хватало в башке некой маленькой, но важной детальки, из-за чего представители этой «славной» династии то и дело шли вразнос…

– Я – Неуловимый Джо! – гордо сообщил Джо. – Случилось страшное: мне на хвост сел шериф, тот ещё волкодав… Но я стряхнул его со следа – и очутился здесь.

Человек за столом сцепил тонкие пальцы под подбородком и задумчиво хмыкнул.

– Я не всё понял из твоей речи, юноша, но думаю, уловил главное: там, откуда ты прибыл, у тебя возникли небольшие проблемы.

– Типа того, – небрежно ухмыльнулся Джо. – Но я же Неуловимый!

– Стало быть, ты ловок уходить от засад и погонь, и наверняка знаешь всякие маленькие хитрости?

– Ага…

– Замечательно! – сидящий за столом улыбнулся и снял очки.

Глаза у него были серо-зелёные, водянистые, чуть навыкате.

– Тебе будет интересно узнать, юноша, что как раз такой человек мне и нужен. Сколько ты хочешь за свои услуги?

Джо почесал затылок.

– А чё делать-то надо?

– О, ничего особенного! – улыбка стала шире. – Просто небольшая разведка. Прогуляешься до соседнего города – и сразу обратно, расскажешь мне, что там и как… Мы поступим следующим образом: Танто проводит тебя в отдельные покои. Ты сможешь отдохнуть и слегка подлечить солнечные ожоги – полагаю, они уже досаждают тебе, а будут досаждать ещё сильнее…

Тут Джо вновь обратил внимание на саднящую кожу. Она словно дожидалась этой реплики – и теперь решила заявить о себе, да так, чтобы хозяин больше не забывал ни на миг о своих проблемах…

– Вещи можешь забрать… Кроме этой, – человек за столиком взял в руки выкидуху, повертел её и щелкнул клинком. – Здесь она тебе не понадобится, а позже мы подыщем что-нибудь более эффективное, чем твой складной стилет…

Как-то само собой получалось, будто Джо согласился работать на странного очкарика, при этом не оговорив толком ни своих обязанностей, ни размера вознаграждения… Спо-

рить, по понятным причинам, желания не было – но и уйти, не показав норов, Джо не мог.

– Кстати, как тебе замок? – окликнул его возле самых дверей работодатель. – Мне, знаешь ли, любопытно узнать впечатление свежего человека…

Юнец придурковато ухмыльнулся.

– Архитектурка, конечно, уёбищная… Но своя нора – это своя нора, как ни крути.

Герцог вдруг расхохотался.

– Наконец хоть чьё-то мнение совпало с моим собственным! Ладно, простодушный юноша, ступай себе…

Сопровождаемый Танто – тем самым жутковатым телохранителем, он вышел из комнаты и двинулся по сумрачным коридорам Термитника. Провожатый за всю дорогу не издал ни звука. Он молча довёл Джо до небольшого помещения и лишь тогда разомкнул губы.

– Здесь, – Танто ткнул толстым пальцем в небольшую скляницу на столе – бальзам от ожогов. – Здесь – палец указал под низенький топчан – судно. Всё понял?

Вопрос явно был риторическим. Телохранитель развернулся и шагнул за порог.

– Э, как тебя, тормозни! – спохватился Джо. – А кто это был? Ну, перец этот в очках, с которым я разговаривал…

– Его светлость герцог, – буркнул здоровяк. – Альбэр Фигассэ!

Дверь захлопнулась, скрежетнул в замке ключ.

– Фигасе! – вздохнул Джо и, тихонько рассмеявшись, присел на лежанку.

Вернувшись, Танто вновь занял своё место за колонной. Альбэр Фигассэ продолжал делать записи, время от времени сверяясь с лежащими на столе документами. Наконец, он поднял глаза.

– Твоё молчание, любезный друг, выразительней всяких слов! – улыбнулся герцог. – Надеюсь, ты запер нашего юного гостя? Большого доверия он не внушает; не хотелось бы, чтобы такие типы свободно разгуливали по моему замку…

Вместо ответа Танто продемонстрировал ключ.

– Великолепно. Итак, я отвечу на твой невысказанный вопрос, но вначале скажи мне – ты уже в курсе относительно последних известий от наших, хм-м, *друзей*?

– Я слыхал только, что «люди-пауки» заслали ещё одного агента в Джеппу.

– Он тоже исчез, как и двое предыдущих. Я даже не знаю, что думать: либо контрразведка Господина Хрустальное Озеро выше всяких похвал, либо… Либо наши партнёры беззастенчиво водят меня за нос. Как полагаешь, они осмелились бы?

Танто коротко пожал плечами.

– По здравом размышлении – нет.

– Но ты же знаешь, куда приходится запихивать все так называемые здравые размышления, имея дело с подобной публикой… – протянул герцог. – Короче говоря, у меня есть

план.

Альбэр Фигассэ умолк. Танто склонил голову.

– Я весь внимание…

– Представь, что будет, если в Джеппу заявится совершеннейший дилетант. Глупый мальчишка, авантюрист без прошлого, к тому же – новичок, ни черта не соображающий в здешней жизни…

– Парень смахивает на дебила. Недолго он там продержится! – изрёк Танто.

– Верно. Недолго. Но если он попадётся – вернее, *когда* попадётся, то окажет нам по меньшей мере одну крупную услугу: мы поймём, кто и как нейтрализует наших агентов, какова процедура ареста… Ну, и прочие, столь важные иногда, мелочи. А если вдруг произойдёт невероятное и он вернётся назад – что ж… Это тоже кое о чём скажет нам, верно?

– Но как…

– Полагаю, придётся сопроводить его туда… И проследить, как всё сложится, – герцог на секунду замялся, постукивая кончиками пальцев по столу. – Ты единственный, кому я могу доверить эту миссию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.